

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

4.3

4 выпуска в год на 13 языках

Социология
как призвание

Жужа Ферге,
Мелвин Кон

XVIII Мировой
конгресс МСА

Маргарет Абрахам,
Владимир Ильин,
Майкл Буравой

Аутсорсинг себя

Интервью Мадалены
Д'Оливейра-Мартинс
с Арли Хохшилд;
Амрита Панде и
Дитте Мария Бьерг

Французская
социология
сегодня

Брюно Кузен и
Дидье Демазьер,
Кристина Мюсселен,
Фредерик Лебарон,
Фредерик Нейра,
Ромен Пюдаль

- > Социология и изменения климата
- > Добыча меди и коренные сообщества Перу
- > Чешская социология в период интернационализации
- > Прекарная социология Чехии
- > Арабская команда «Глобального диалога»

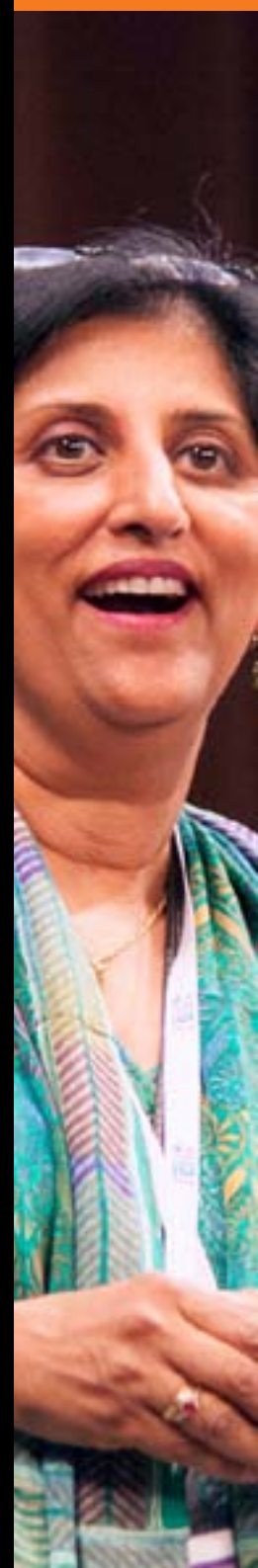
БЮЛЛЕТЕНЬ

International
Sociological
Association

ТОМ 4 / ВЫПУСК 3 / СЕНТЯБРЬ 2014
<http://isa-global-dialogue.net>

От редактора

МСА покоряет вершину за вершиной

Это лето было отмечено XXVIII Всемирным конгрессом МСА, который прошел в Йокогаме с 13 по 19 июля. Прекрасно организованный японским оргкомитетом в сотрудничестве с секретариатом МСА, он собрал 6087 участников и стал крупнейшим событием в истории ассоциации. Размах конгресса, включившего в себя более 1100 секций, заставил некоторых задуматься о том, что размер ассоциации превысил разумные пределы - опасение, высказанное Владимиром Ильиным в заметке, опубликованной в этом номере. В Йокогаме был избран новый Исполком, возглавленный Маргарет Абрахам. В этом номере «Глобального диалога» она расскажет о перспективах развития профессиональной ассоциации, связанных с ролью социологии в преодолении социальной несправедливости, и, прежде всего, гендерного насилия.

В этом номере мы публикуем пять статей о состоянии французской социологии. В них обсуждается публичная роль социологии и ее влияние на политические решения. Кроме того авторы критически анализируют процессы бюрократизации и специализации исследований, профессионализацию через расширение практик реферирования, растущее давление на ученых в связи с необходимостью публиковать работы на английском языке, а также недостаток стабильной занятости. Франция представляет собой в этом плане интересную противоположность Чехии, речь о которой идет в двух последующих статьях. Здесь требование интернационализации и ориентации на западную социологию сталкивается с препятствием в виде необходимости решения немалого количества локальных проблем. Этот конфликт особо остро ощущается в полупериферийных странах, от которых ожидается ориентация на исследовательские центры метрополии.

Настоящий номер Глобального диалога открывается статьями двух выдающихся социологов, пишущих о «социологии как призвании» с точки зрения собственной научной карьеры. Жужа Ферге вспоминает собственную историю борьбы со старым венгерским режимом государственного социализма, а затем критику нового режима с позиции бедных и маргинализированных слоев общества. Мелвин Кон описывает историю своих новаторских сравнительных исследований связи социальной структуры и типов личности в разных странах. Мы также публикуем интервью с Арли Хохшильд, которая автором новаторских исследований эмоциональной работы и коммодификации эмоций. Продолжая эту тему, Амрита Панде и Дите Бьерг, рассказывают о своем социологическом спектакле о суррогатном материнстве, которое является предметом изучения Панде в Индии. Спектакль, пользующийся невероятным успехом в Европе, поистине представляет собой новую форму публичной социологии!

Я пишу эти строки в Швеции, где Северная социологическая ассоциация проводит свою полугодичную встречу. Множество молодых социологов собралось в Лунде, чтобы обсудить такие актуальные темы, как закат скандинавского государства всеобщего благосостояния, а также трудности, вызываемые последовательными волнами эмиграции. Скандинавия, в особенности Швеция, приняла в последние годы многих беженцев, но как показывают исследования, их ассимиляция усложняется дискриминацией в доступе к социальным пособиям, образованию и работе. У гуманитарной миссии, как оказалось, есть и обратная сторона, которую без промедления обнаружили социологи.

> «Глобальный диалог» выпускается на 13 языках и доступен на [сайте МСА](#)

> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Жужа Ферге, знаменитый венгерский политолог и критик, вспоминает, как оказалась в социологии, покинув область экономики, не занимающейся вопросами неравенства и бедности.

Мелвин Кон, выдающийся американский социолог, рассказывает об опыте изучения социальной структуры и личных качеств, который привел его к плодотворному международному сотрудничеству.

Маргарет Абрахам, новый президент МСА, излагает свою программу активизации социологического содействия социальной справедливости. Особое внимание она предлагает обратить на проблему гендерного насилия.

Глобальный диалог стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой

Помощник редактора: Гей Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:

Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндолу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиан, Саймон Мапади-менг, Абдул-мумин Саад, Айзе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоголу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Андреса Гальи, Рената Баррето Претуран,

Анжело Мартинс Младший, Лукас

Амараль, Рафаэль де Суса, Бенно Альвес.

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадуля, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:

Ишвар Модии, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удэй Сингх, Риту Сарасват, Нидхи Бансал, Джьоти Сидана.

Иран:

Рейхане Джавади, Сагхар Бозорги, Наджме Тахери, Фаззе Хаджезаде, Абдолкарим Бастани, Тара Асгари Лале, Хамидреза Рафатнеджад.

Польша:

Миколай Мержеевски, Каролина Николаевска, Кишиштоф Губаньски, Адам Мюллер, Патрыция Пендраковска, Эмилия Худзиньска, Пржемислав Марцовски, Камиль Липинский, Кинга Якиела, Зофия Пенза.

Румыния:

Косима Ругинис, Иляна-Чинзяна Сурду, Телегди Балаж, Адриана Бондор, Рамона Кантараджу, Мириам Чиходариу, Алина Стан, Михай Богдан Мариан, Елена Тюдор, Кристиан Константин Вереш.

Россия:

Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Ася Воронкова.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Гюннур Эртонг Аттар, Йонджа Одабаш, Илькер Урлу, Зейнеп Текин Бабуц, Хюсеин Одабаш

Медиа-консультанты: Густаво Танигути, Хосе Репера.

Консультант редактора: Ана Виллареаль.

> В этом выпуске

От редактора: МСА покоряет вершину за вершиной **2**

Социология как призвание: социолог от безысходности
Жужа Ферге, Венгрия **4**

Социология как призвание: жизнь, полная международного сотрудничества
Мелвин Кон, США **6**

> XVIII КОНГРЕСС МСА

Усилить роль социологии в формировании справедливого общества
Маргарет Абрахам, США **9**

Йокогама: заметки о конгрессе
Владимир Ильин, Россия **12**

Иммануил Валлерстайн получил награду «За особые заслуги в социологии»
Майкл Буравой, США **15**

> АУТСОРСИНГ СЕБЯ

Эмоциональный труд в глобальной перспективе: интервью с Арли Хохшилд
Мадалена Д'Оливейра-Мартинс, Испания **16**

Сделано в Индии: зарисовки с бэби-фермы
Амрита Панде, ЮАР, Дитте Мария Бьерг, Дания **19**

> ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Французская социология на пороге XXI века
Брюно Кузен и Дидье Демазьер, Франция **22**

Исчезающие академические карьеры
Кристин Мюсселен, Франция **24**

Оценка социологических исследований
Фредерик Лебарон, Франция **26**

Социология во Франции: меняющаяся профессия
Фредерик Нейра, Франция **28**

Почему у французских социологов нет «Этического кодекса»?
Ромен Пюдаль, Франция **30**

> БОРЬБА ЗА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Где социология: Глобальные климатические изменения и социальные науки
Стюарт Локки, Австралия **32**

Медь, вода и земля: добыча меди в Пьедра-Альта, Перу
Сандра Портокарреро, Перу **35**

> ПРОБЛЕМЫ ЧЕШСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Интернационализация и культура аудита: случай чешской социологии
Мартин Хайек, Чехия **37**

Прекаритет социологии: заметки с Чешских земель
Филип Востал, Чехия **39**

Арабская команда «Глобального диалога»
Мунир Сайдани, Тунис **41**

> Социолог от безысходности

Жужа Ферге, Университет им. Лоранда Этвэша, Венгрия

Жужа Ферге.

Я стала заниматься социальной статистикой просто для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь в начале 1950х, когда изучала экономику. Объектом изучения были бюджеты домохозяйств. Работа предполагала посещение семей по всей стране и ручную обработку ежемесячных отчетов об их заработках, питании, покупках для детей и так далее. Делать это было несравненно интереснее, чем заниматься экономикой, марксистской или какой-либо иной. Поэтому я оставила экономику ради того, что, как мне казалось, было намного ближе к людям и обществу.

Я начала анализировать данные домохозяйств и вскоре поняла, что цифры могут помочь обнародовать (в неидеологическом, аполитичном тоне) контраст между официальной идеологией равенства и реальной повседневностью. Тогдашний президент Венгерского бюро статистики был достаточно гибок - и, хотя сейчас в это трудно поверить, достаточно независим: уже после 1956 года он поддер-

В течение более чем пятидесяти лет **Жужа Ферге** занимает ведущую позицию среди социологов Венгрии. Как при социализме, так и при последовавшем за ним капитализме, Ферге изучала паттерны неравенства, бедности и маргинальности, опубликовала 15 книг и сотни статей по этой тематике. Будучи одной из известнейших исследовательниц Венгрии, она также выступает в качестве непримиримого критика и упорного защитника социальной политики. Она основала первую кафедру социальной политики в Венгрии в 1989 году в университете имени Лоранда Этвэша. До момента закрытия она возглавляла исследования детской бедности в Венгерской академии наук. Эти исследования легли в основу государственной программы борьбы с неблагополучным детством. Ферге стала лауреатом множества наград и почетных званий в Венгрии и за ее пределами.

жал масштабное исследование (20 000 домохозяйств), посвященное различным аспектам социальной стратификации. (Эти слова тогда имели невероятное символическое значение для политики. «Социальная стратификация» являлась легитимным выражением, при том что термин «социальный класс» не мог использоваться только в том смысле, который предполагала официальная идеология. Мы могли изучать людей с низкими доходами, но не могли упомянуть слово «бедность»). Заниматься социальной статистикой считалось вполне легитимным, несмотря на то, что социология до начала 1960х была предана анафеме.

Доклад о социальной стратификации представлял различные «социально-экономические» группы; в нем описывалась ситуация, в которой находились люди с низкими доходами. Имплицитная теория подсказывала, что взаимосвязи между неравным распределением власти, знания и собственности (именно в этом порядке) приводило к формированию структурно значимых групп.

С тех пор социальное неравенство неизменно остается моим главным интересом во всем, чем я занимаюсь. После того, как я выявила некоторые статистические факты, у меня возникло много вопросов. С самого начала моим основным вопросом был следующий: каким образом уменьшить неравенства, предопределявшие детскому

>>

судьбу с рождения. В Институте социологии Венгерской Академии наук, основанном в 1963 году, мы изучали школу как один из возможных механизмов выравнивания жизненных шансов детей. Эти исследования, тесно связанные с нашими более ранними работами, проводились под влиянием «духа времени» и в особенности работ Пьера Бурдьё. По всей Европе социальные исследователи надеялись, что образование поможет снизить неравенство. Поэтому с конца 1960х гг. мы проводили исследования учреждений начального, среднего и средне-специального образования, школьной успеваемости и карьеры учеников, а также положения учителей. Но эти надежды оказались совершенно необоснованными: наши исследования показали, что хотя система образования изменилась, школы продолжили функционировать как главные агенты в легитимизации социальной трансмиссии беспомощности и бедности.

Мы продолжали задавать аналогичные вопросы. Можно ли изменить общественные тренды? Совершенно логично, что следующим объектом исследования стало государство, или, если быть точнее, его деятельность в отношении структурного неравенства, в том числе социальная политика перераспределения. Поэтому с начала 1970х гг. мы приступили к изучению венгерской социальной политики. В 1966 году мне, к счастью, я участвовала во Всемирном социологическом конгрессе, где я встретилась с основателями Исследовательским комитетом по проблемам бедности, социального обеспечения и социальной политики - Гербертом Гансом, Питером Таунсендом, Хеннингом Фрийсом, С. М. Миллером и многими другими. Я познакомилась с работами Ричарда Титмуса, миром исследований бедности и социальной политики.

Мы продолжили эмпирическое изучение структурных изменений, бедности и венгерской социальной политики. В ходе исследований мы сформулировали концепцию публичной политики, связывая изучение социальной политики с более широким контекстом структурных изменений. В 1985 году при поддержке факультета социологии Будапештского университета мы стали читать лекции по социальной политике, хотя курс назывался «Историческая социология», потому как социальная политика еще не признавалась адекватной сферой исследований.

Факультет социальной политики и социальной работы был основан в 1989 году, на пороге венгерских системных изменений. В условиях нового капитализма социальная структура формируется под действием тех же социальных сил, однако, меняется степень значимости каждой из них. Собственность и власть стали наиболее значимыми, роль знания в некоторой степени уменьшилась, а отношения с рынком труда (доступом к работе, стабильности или прекарности работы) стали так же важны, как первые три структурных силы. Я старалась (хотя и с переменным успехом) инкорпорировать в мою кон-

цептуальную модель структурных изменений концепцию Бурдьё о «социальном капитале», хабитусе и активности агентов. Однако, наши данные демонстрируют значимость социальных и личных связей в формировании и дистрибуции других видов капитала стабильно повышается, и не только в современной Венгрии. В Венгрии неравенство, бедность, в особенности детская бедность, стабильно растут, начиная с мирового финансового кризиса 2008 года.

После выхода на пенсию я продолжила исследования по детской бедности и вместе с группой коллег разработала Национальную программу по борьбе с детской бедностью (2007-2032). Этот план был принят венгерским Парламентом в середине 2008 года, и был с некоторым успехом реализован в бедном микро-регионе перед тем, как группа была распущена в 2011 году. Урезанная версия Национальной программы все еще действует, но в целом эта тематика игнорируется в венгерских дебатах о политике. С 2012 года государственная политика характеризуется предвзятостью в отношении бедных и поддержкой среднего класса, с оттенком «анти-детских» элементов. Прогрессивное налогообложение было заменено единым фиксированным налогом, социальная помощь уменьшена и предполагает выполнение ряда условий для получения, минимальный возраст уголовного наказания снижен с 14 до 12 лет, возраст принудительного посещения школы - с 18 до 16 и так далее.

Таким образом, хотя я и являлась социальным критиком неэгалитарного государственного социализма (можно назвать его как угодно, только не «коммунизмом», хотя эта ошибка совершается повсеместно), я продолжила, опираясь на старые идеалы Просвещения, критиковать наш «дивный новый мир». Лишь после полного разгрома предыдущей системы я осознала, что наряду с исследованием сопутствовавших ей форм неравенства, следовало принять во внимание и сокращение уровня доверенных типов неравенства. Каков был масштаб, какова цена, кратковременные и долгосрочные последствия эффективного снижения неравенства в уровне дохода, богатства и в некоторой степени знания? Без ответа на эти вопросы трудно объяснить события, сопровождавшие изменения политической и экономической системы.

В последние десятилетия я стараюсь совместить исследование, преподавание и полевую работу с большей вовлеченностью в гражданское общество, так как я убеждена, что без сильного гражданского общества и государство, и рынок не смогут нормально развиваться. Эта убежденность поддерживается нынешней реальностью. Однако, венгерское гражданское общество все еще слишком слабо для того, чтобы с ним считались эти масштабные силы. ■

Адрес для корреспонденции:
Zsuzsa Ferge <fergesp@t-online.hu>

> Жизнь, полная международного социологического сотрудничества

Мелвин Кон, Университет Джонса Хопкинса, США, член Исполнительного комитета МСА, 1982-1990

Мелвин Кон.

Мелвин Кон является первопроходцем в области изучения взаимосвязи между социальной структурой и типом личности. Наибольшую известность ему принесла классическая работа «Класс и конформность» (1969, 1977), в которой показана тесная взаимосвязь классовой принадлежности и типа личности. На основании тщательного анализа опросных данных он сделал поразительное открытие о связи автономии в работе (свободы от надзора, сложности и разнообразия задач) со степенью внутреннего самоуправления (то есть тенденции действовать в соответствии с собственными взглядами). Напротив, занятия, подразумевающие рутинную, монотонную и напряженную работу, приводят к конформности в человеческом поведении. Представив читателю скрупулезный поколенческий анализ, он показывает, каким образом эта взаимосвязь работает в обоих направлениях. С одной стороны, люди, склонные к действиям на основании собственных взглядов, успешно находят соответствующие типы работы, с другой

стороны, характер занятости формирует определенные черты личности. Он демонстрирует, что личность человека влияет на многие сферы его жизни, в частности, на паттерны родительства и межпоколенческого трансфера паттернов поведения. Чтобы понять, насколько интенсивна, устойчива и долговечна такая взаимосвязь, Кон стал продвигать идею о значимости сравнений между разными странами, особенно между капиталистическими и социалистическими, а затем и между странами, претерпевающими резкие социальные изменения. Многие его книги и статьи являются частью его масштабной исследовательской программы. За свою исследовательскую работу Кон получил множество наград и премий, был избран членом Американской академии искусств и наук, а также президентом Американской социологической ассоциации. Социолог активно работал в Исполкоме МСА в 1982-1990 гг., используя свое влияние для налаживания и поддержания международных связей и сотрудничества.

За моей спиной шесть десятилетий работы социолога-эмпирика. Полагаю, от моих коллег меня принципиально отличает глубокая, и даже глубинная, увлеченность совместными исследовательскими проектами. Особенно интенсивно я занимался ими в течение последних сорока лет, когда я преимущественно проводил сравнения между разными странами. Причина проста: мне нравится задавать эмпирические вопросы о теоретических проблемах, особенно если речь идет о сравнении нескольких стран. Можно ли сказать, что наши поразительные открытия о связи между социальной структурой и личностью, обнаруженные на данных из США, с таким же успехом можно было бы обнаружить и в демократических государствах Европы? А что на счет коммунистических стран Восточной Европы? Если ответ окажется положительным в случае СССР, то будет ли ситуация идентичной в Китае? Другая страна, другой язык, другая культура. Но я свободно говорю лишь по-английски и владею в некоторой степени немецким. Что же делать? Выход есть: искать двуязычных коллег, готовых принимать участие в исследовании! Все произошло случайно. Постдокторальное исследование шизофрении в Мэриленде разрослось до исследования социальной структуры и личности в Вашингтоне (округ Колумбия). Прочитав первую статью об этом исследовании, мой коллега Карми Шулер предложил протестировать мои выводы, изучив мужчин, занятых в гражданских профессиях в США. Это был, что называется, первый опыт совместной работы, оказавшийся невероятно интересным. Никогда еще два ума так идеально не дополняли друг друга.

И все же это были еще не сравнения между разными странами... Этой идее суждено было воплотиться во время нашей работы с Лернардом Пеарлином в Турине (Италия), когда мы сравнивали и дополняли результаты, полученные мной в Вашингтоне. Это исследование, однако, нельзя было назвать плотным сотрудничеством. Затем мы провели полноценное сравнение данных двух стран и пришли к выводу, что существует стабильная связь между социальным классом родителей (у которого не очень жестко заданы границы) и тем, насколько родители ценят самостоятельное принятие решений и действие в соответствии с внутренними ориентирами.

Затем последовал настоящий прорыв. Владимир Веселовский, ведущий социолог-марксист Польши, пригласил меня прочитать несколько лекций. Я с радостью приехал, наслаждался каждым моментом недельного визита, после чего Веселовский (под портретом Карла Маркса) предложил воспроизвести мое американское исследование на польском материале. Польское исследование принадлежало им: они могли его оплатить. Им бы принадлежали и данные. Его коллега, Казимир Сломщинский, должен был стать руководителем исследования, мне отводилась роль «технического консультанта».

Это было предложение, отказаться от которого было невозможно. Вместе со Сломщинским мы сразу же взялись за разработку методологии кросс-культурного анализа данных и измерения индикаторов, которые до этого изучались ис-

ключительно на материалах, полученных в рамках одной страны. Теперь же мы измеряли социальный класс и социальную стратификацию в капиталистической и социалистической стране, используя практически идентичные методы в обеих странах. Помогали нам в этом польские коллеги, которые посвятили значительное время разработке методов и были более чем довольны, что их старания были, наконец, оценены по достоинству.

Опубликовав две книги и несколько статей, мы предоставили убедительные доказательства того, что хотя социальная структура и типы личности в Польше и США в значительной степени отличались, паттерны их взаимозависимости были сходными. В обеих странах более привилегированные социальные классы, а также люди с более высоким социальным статусом характеризовались более высоким уровнем интеллектуальной гибкости, большим уровнем независимости в своей деятельности, а также более развитым чувством благополучия. Работа более привилегированных людей менее рутинна, отличается более высоким уровнем сложности и меньшей степенью надзора со стороны начальства, чем работа менее привилегированных слоев.

В то же время, по счастливому стечению обстоятельств, благодаря Кеничи Томинаге и Атсуги Наои, на карте наших исследований появилась и Япония. В конце концов мы организовали крупное исследование, сравнивающее США, Польшу и Японию. Учитывая национальные различия в социальном классе и стратификации, сходства между странами были поразительными (значимые различия заключались в том, что польские и американские рабочие неквалифицированного труда испытывали диаметрально противоположные уровни стресса и недовольства, а японские рабочие были посередине)

Однако по мере того, как Сломщинский и я наблюдали за тем, как польские граждане бросали вызов авторитарной власти, мы начали искать ответ на новый вопрос – каким образом процесс радикальных социальных изменений – а Польша постепенно становилась демократической и решительно католической страной – изменил бы наши результаты? Три выдающихся польских коллеги – Кристина Яницка, Богдан Мах и Войцех Заборовский – присоединились к нашей команде, и мы начали изучать не только социо-структурные ситуации и типы личностей работающих мужчин, но также работающих женщин и многих поляков обоего пола, оказавшихся без работы в стране, перешедшей на капиталистические рельсы.

Но что же тогда можно сказать об остальной Восточной Европе? Задача изучить эту часть света всегда была непросто (а подчас и вовсе невыполнимой). Поэтому я даже и не пытался начать этим заниматься. Но теперь я искал возможность изучать Россию, и я пригласил к сотрудничеству ведущего советского социолога Владимира Ядова. С сожалением он ответил, что (даже при Горбачеве) это была чересчур болезненная тема. Но он познакомил меня с двумя украинскими социологами, идеально подходившими для вы-

>>

полнения такой задачи – теоретиком и социальным психологом Валерием Хмелько и методологом Владимиром Паниотто. К тому времени как мы разработали дизайн исследования, Советский Союз распался, поэтому Хмелько и Паниотто создали в Украине первую в истории всего СССР серьезную исследовательскую организацию, занимавшуюся опросами. С того момента я в течение нескольких месяцев постоянно путешествовал между Варшавой и Киевом, координируя польские и украинские проекты.

Сравнение Польши и Украины позволило нам понять многие вещи, особенно то, что обе страны становились все больше похожи на США и Японию (хотя и с разной скоростью): рабочие были недовольны и испытывали высокие уровни стресса, так как капитализм не предполагал изменений в условиях работы, но изменил отношения между работниками и работодателями. К концу нашего исследования польские рабочие уже были неотличимы от рабочих США. Украинские же рабочие не сильно от них отставали.

Когда польским коллегам показалось, что они уже закончили свое исследование, украинцы полагали, что только начали: процесс в Украине шел медленнее, и объектов для исследования было больше. Поэтому украинцы, оплачивавшие свои исследования доходами от процветающего опросного бизнеса, провели повторное исследование, которое я эгоистичным образом проанализировал.

В украинском повторном исследовании кросс-секционный анализ был углублен и расширен, так что оно превратилось в лонгитюдное, во многом благодаря тому, что были взяты повторные интервью у тех же информантов. Мы обнаружили в украинском случае, что в течение трех лет, когда проводилось исследование, личность там находилась в крайне нестабильном состоянии, сравнимом только с тем, что мы (удивительнейшим образом) видели в Мали (или в других частях Африки), где Карми Шулер обнаружил подобную тенденцию в сходных обстоятельствах. И все же взаимосвязь между работой и типом личности оставалась стабильной в течение всего измеряемого периода, хотя глубина взаимосвязи уменьшилась. Наши каузальные модели показали, что в условиях экстремальной социальной нестабильности личность оказывает незначительный эффект на социо-структурную позицию, при том что социо-структурная позиция по-прежнему коренным образом влияет на личность, как было и в условиях социальной стабильности.

Но это был не конец. Меня давно интересовал Китай, и моя жена меня подначивала. Мы поехали в Китай вместе, хотя она уже страдала от болезни Альцгеймера, до такой степени, что забыла содержание моей первой лекции, и поэтому смогла в полной мере насладиться второй, в другом университете. Она очень хотела, чтобы я провел исследование о Китае, хотя и знала, что не доживет до того момента, когда будут доступны результаты. Было особенно трудно найти подходящих коллег, желающих сотрудничать.

Я четко осознавал, до какой степени буду от них зависить. Но мне повезло, и я нашел Лулу Ли и его протеже Вэйдуна Вана. Я пригласил в проект аспиранта Инь Юэ, который вскоре принял на себя роль полноценного сотрудника. Вэйдун собирал данные. Он в принципе сделал невозможное, проведя пять опросов в пяти избранных городах, практически одновременно, работая с преподавателем из каждого города и опираясь на помощь студентов в проведении интервью. Инь, напротив, был новичком, но вскоре выучил все, что было необходимо для работы.

Исследование в Китае в очередной раз подтвердило результаты, полученные нами в других странах, однако причины в данном случае отличались. В других странах ключевой была связь класса и стратификации с такими условиями работы как ее сложность, степень надзора, а также рутинность. Но в Китае эти условия работы объясняли лишь малую долю найденных нами взаимосвязей. Разгадка таилась в другом: один социальный класс, самозанятые работники, отклонялся от общего паттерна: у них и только у них условия работы не имели никакого отношения к типу личности. Но почему? Я предположил, на основании своих прогулок по Пекину, что эти ребята пытались свести концы с концами на задворках экономики, и по-настоящему значение имело только то, что они влачили нищенское существование. Неплохое предположение, но кто бы мне поверил, если я даже не говорю по-китайски? К счастью, два моих сотрудника предоставили данные, подкрепляющие его. Задолго до нашего сотрудничества Вэйдун включил в анкеты вопрос о месте регистрации информантов, то есть их hukou статусе (информанты могли быть зарегистрированы либо как городские, либо как сельские жители). Затем однажды запыхавшийся Инь ворвался в мой офис и бросил на стол пару статей, написанных им в соавторстве с известным китайским ученым Сяоганом Ву и американским ученым, изучающим социальную стратификацию, Дональдом Трейманом. Ву и Трейман опросили тех самых людей, о ком шла речь: мигрантов из сельских областей, которым не удалось поменять регистрацию на городскую при переезде в город. Эти люди не могли найти ни официальную работу, ни приличного жилья, им не удавалось также отправить детей в школу.

Так нашелся ответ о причинах аномалии, предоставленный мне коллегами, один из которых включил в анкеты вопрос о регистрации домохозяйства, два других – нашли отличные статьи в академических журналах, которые не часто читают китайские ученые. Мои китайские коллеги ничем не отличались от моих коллег из любой другой страны. Все они были серьезны, добросовестны и умны. Работать с такими людьми, к тому же всегда готовыми помочь, было одно удовольствие! ■

Адрес для корреспонденции:
Melvin Kohn <mel@jhu.edu>

> Наша задача – усилить роль социологии в формировании справедливого общества

Маргарет Абрахам, Университет Хофстра, США, президент МСА, 2014-2018

Маргарет Абрахам, новый президент МСА, произносит инаугурационную речь в Йокогаме. Фотография Кайо Савагути.

В июле этого года 6087 социологов и исследователей из области социальных наук встретились в Йокогаме (Япония) на 18 Всемирном Конгрессе МСА. Мы выража-

ем благодарность за организацию этого чрезвычайно успешного мероприятия Японскому оргкомитету и его незаменимому председателю Коичи Хасегаве, Программному комитету МСА под председательством Ракели Соса, нашим вице-президентами Тине Уйс, Роберту ван Крикену и Дженнифер Платт, а также координаторам исследовательских комитетов, рабочих и тематических

групп. Особой благодарности заслуживают исполнительный секретарь МСА Изабела Барлинска, чей непревзойденный профессионализм обеспечил отличную организацию конгресса, и Confex Конфекс – команда профессионалов по организации конференций.

Крайне важно отметить, что успех Конгресса во многом объясняется

>>

Символически изображая преемственность власти, Маргарет Абрахам выхватывает два самурайских меча у Майкла Буравого, однако отказывается убивать покидающего пост президента. Фотография Владимира Ильина.

лидерскими качествами и динамичным подходом к организации со стороны президента МСА Майкла Буравого. Именно он сформулировал тему Конгресса «Лицом к лицу с миром неравенства: вызовы для глобальной социологии», и в своих выступлениях постоянно проблематизировал различные формы неравенства, с которыми ежедневно сталкивается гражданское общество, и к угрозам приватизации и коммодификации нашей дисциплины. Майкл внес выдающийся вклад в создание активного сообщества социологов при помощи «Глобального диалога», электронных медиа, помогающих выйти за пределы академической дисциплины построить глобальную социологическую сеть.

Мы будем продолжать развитие нашей науки и профессионального сообщества при поддержке нового Исполнительного комитета и отличной команды вице-президентов: Маркуса Шульца (Исследовательский комитет), Сари Ханафи (Комитет по Национальным ассоциациям), Винеты Синхи (Комитет публикаций) и Бенджамина Техерины (Финансы и членство).

МСА постоянно ищет ответы на вызовы изменяющего турбулентного мира. Больше, чем когда-либо, социологи, обращаясь к непростым

глобальным проблемам, должны включаться в международный публичный диалог, чтобы способствовать построению более справедливого мира в 21 веке. Как нам кажется, ключевая роль МСА состоит не только в том, чтобы анализировать и объяснять социальный мир человека, но и разрабатывать решения и направления социальных изменений, которые могли бы помочь нам создать более гуманистическое общество.

Как новый президент МСА, я бы хотела отметить несколько ключевых приоритетов. Несмотря на значительный прогресс, мы должны продолжить развивать глобальный характер МСА. Первая и главная организационная цель МСА – представлять социологов со всего мира безотносительно того, какую школу мысли они представляют и каковы их идеологические предпочтения. В настоящее время, более половины стран не представлены в организации. Организация все еще оказывается северо- и западо-центричной в том, что касается членства и исследовательской повестки дня, что ограничивает интеллектуальную вовлеченность и обмен идеями, то есть процессы, которые являются ключевыми в нашей профессиональной работе. Я надеюсь значительно расширить членство в

организации и превратить нашу организацию в действительно глобальную, представляющую все общества и все вариации социологической мысли. При поддержке исследовательских комитетов и национальных ассоциаций мы рассмотрим реалистичные пути построения институциональных возможностей по поддержке социологов, сталкивающихся со множественными барьерами – экономическими и политическими – затрудняющими участие в глобальных обменах. Расширение возможностей для молодых социологов, находящихся на ранних стадиях карьеры, является крайне важным для обеспечения жизнеспособности ассоциации. Выполнение этой задачи также предполагает усиление финансовой базы организации.

Важно и то, что манифест МСА подчеркивает важность «институциональных и личных контактов между социологами и другими социальными учеными во всем мире». Стабильный междисциплинарный диалог является ключевым для более полного понимания человеческого общества, свойственных ему черт и особенностей. Я надеюсь, что мы можем принять, расширить и даже переопределить междисциплинарность, характерную для исторических корней социологии. Миру необходим постоянный анализ со стороны

социологов. Подобным образом, самим социологам необходимо постоянное взаимодействие с другими социальными исследователями для того, чтобы остаться релевантными. Конференциям и семинарам МСА пошло бы на пользу приглашение ключевых фигур из других областей. Я надеюсь, что смогу поспособствовать налаживанию междисциплинарных контактов и улучшить обмен опытом и мнениями в рамках наших глобальных контактов.

Несомненно, основная цель МСА – «распространение социологического знания во все мире». Решение этой задачи предполагает продвижение систематического, скептического и критического анализа социального мира и следующее из этого стремление к лучшему миру. Сузить такое широкое видение мира до фокуса на том, что интересно академиком элитного сообщества социологов, означало бы крайне узкое чтение миссии МСА. Нам необходим критический анализ, однако мы не можем обойтись без действия и вмешательства, в том числе без работы в общественных организациях, ратующих за социальную справедливость и социальные изменения. Международной социологической ассоциации, несомненно, следует вкладывать ресурсы и время на исследования и образование социологов, развитие сильных теоретических исследований и методологии. Однако необходимо также принять социологию, старающуюся решить множественные проблемы реального мира, разрушаемого геноцидом, тиранией, терроризмом, ксенофобией, расовой дискриминацией, фундамента-

лизмом, гендерной несправедливостью, коррупцией, экологическими катастрофами, проблемами, вызывающими нищету, отсутствие свободы, глубокое экономическое неравенство, социальное исключение. Как президент МСА я собираюсь содействовать развитию социологии, которая не только анализирует основные проблемы наших социальных миров, но также занимает активную позицию в поиске новых путей прогрессивных социальных изменений. Я постараюсь продолжить укреплять роль МСА как активной международной организации.

Как социолог и феминистка, которая многому научилась у глобального гражданского общества, я считаю особенно важными проблемы гендерного насилия и дискриминации, которые пронизывают общества по всей планете. Хотя гендерное насилие наиболее негативно сказывается на девочках и женщинах, оно также наносит неоспоримый вред семьям, локальным сообществам и обществу в целом. Систематическое насилие над женщинами – отличительная характеристика всех современных конфликтов. Проблема насилия против женщин должна быть важной частью широкой повестки МСА в защиту социальной справедливости. Я планирую открыть президентский проект нашей ассоциации по координированию глобальной сети социологов и заинтересованных лиц, которые будут, на основании локального, национального, регионального и глобального опыта предоставлять решения для сглаживания последствий гендерного и интерсекционального насилия.

То, что мы узнаем о нашем сложном, пронизанном конфликтами мире, не может ограничиваться замкнутым пространством профессиональных журналов и конференц-залов. С вашей помощью я собираюсь распространить работу МСА над решением современных социальных проблем на весь мир, перевести узкоспециализированное социологическое знание в концепции, доступные широкой публике, которые может воспринять каждый человек. Наши электронные медиа будут использоваться для распространения и популяризации наших исследований, создания условий для диалога, а также для обмена результатами социологического анализа. Часть моего президентского плана – создание электронной карты социологов всего мира, что послужит ресурсом для глобального сообщества и будет способствовать использованию социологами социальных медиа с целью привлечения внимания к непростым контекстам и проблемам.

МСА – организация, которая хочет изменить мир, и благодаря нашим участникам в организации присутствует широкое разнообразие социологических перспектив и методологических подходов. Теперь, когда я озвучила приоритетные направления своей будущей работы в МСА, мне остается претворить планы в действия – конечно с помощью вашей конструктивной критики и при вашем активном содействии. ■

Адрес для корреспонденции:
Margaret Abraham <Margaret.Abraham@Hofstra.edu>

> Йокогама: заметки о конгрессе

Владимир Ильин, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

На сцене. Архитектор успеха Коичи Хасегава, председатель Японского локального организационного комитета, получает награду за преданность ЯЛОК XVI-II Мировому социологическому конгрессу. Фотография Кайю Савагути.

С 13 по 19 июля этого года в Йокогаме проходил Восемнадцатый конгресс МСА. Писать о событии такого масштаба – задача неблагодарная, ведь что бы ты ни сказал, всегда найдется кто-то, у кого сложилось диаметрально противоположное впечатление. Учитывая, что на этом поистине огромном конгрессе со-

бралось более 6000 участников, я чувствую себя, словно слепой, тщечно пытающийся схватить целого слона, ощупывая отдельные части его немалого тела. Поэтому я ограничусь тем, что поразмышляю лишь о ряде событий и поделюсь отдельными личными впечатлениями.

> Фокус на неравенстве

Центральной темой конгресса было социальное неравенство и вызовы, которые оно ставит перед мировой социологией. Эта тема особенно актуальна по двум причинам. Во-первых, мир, несмотря

на оптимистичные прогнозы, не становится более равноправным. Во-вторых, растет сензитивность социологии к глубинным и зачастую трагичным сломам общественного устройства. Этот паттерн выражается во все более очевидном левом крене мировой социологии. За себя говорят следующие факты: Майкл Буравой, известный марксист, был избран президентом МСА на период с 2010 по 2014 год, а Эрик Райт, занимающийся марксистским классовым анализом (также присутствовавший на конгрессе), был избран президентом Американской социологической

>>

За кулисами. Архитекторы успеха – представители японской фирмы ПОК (Профессиональный Организатор Конференций) и волонтеры – секретариат МСА и Конфекс.

ассоциации. Левый тренд в мировой социологии усиливается по мере того, как растет число социологов из Латинской Америки, Азии и Африки, где социальные противоречия капитализма зачастую проявляются в драматических формах, стимулируя разработку новых форм критической теории. В своей президентской речи Буравой призвал обратить внимание на избрание Папы Римского Франциска в 2013 году – первого Папы из Глобального Юга, к тому же беспрецедентным образом заинтересованного проблемами неравенства. Достаточно неожиданным было услышать, как левый социолог цитирует Папское Апостольское послание – и не просто цитирует отдельные фразы, а произносит шесть кратких тезисов! – о социальном неравенстве. Этот

документ в сущности представляет собой антикапиталистический католический манифест, в котором развивается центральная идея о том, что деньги должны служить, а не управлять! Буравой также отметил, что даже экономисты, традиционно игнорировавшие феномен социального неравенства, начали наконец обращать на него внимание.

В начале своего выступления Буравой отметил, что паттерны участия в конгрессе отражают глобальное неравенство в доступе к материальным ресурсам и в развитии социологии: несмотря на то, что теперь значительно больше членов МСА живут за пределами Глобального Севера: 71% участников конгресса выходцы из богатейших стран мира, и лишь 10% – из беднейших.

Когда МСА была основана в 1949 году, в нее входили лишь социологи из США и Западной Европы. Сейчас картина значительно более разнообразна.

Однако многие считают, что демократизация социологического сообщества имеет определенные минусы: теперь у большего числа участников ощущается недостаток систематического профессионального образования, у них отсутствуют возможности повышения квалификации, проведения исследований или доступ к новейшей социологической литературе. Иммануил Валлерстайн, ветеран и бывший президент МСА, рассказал нам, что на первом конгрессе, в котором он участвовал в 1959 году, присутствовало лишь 300 участников. Прак-
>>

тически все они были гражданами стран Запада, и встреча привлекла многих «звезд» профессионального сообщества. В то же время, конгресс в Йокогаме, хотя и собрал более 6000 человек, все же не смог привлечь к участию всех «звездных» социологов. Многие социологи считают, что конференции и семинары меньшего масштаба представляют собой намного более ценные вложения времени и денег. При этом подавляющее большинство участников последнего конгресса были известны лишь своим непосредственным коллегам.

Мы согласны с тем, что повысить уровень социологического знания можно лишь в том случае, если дать всем социологам без исключения участвовать в глобальном диалоге. Однако, существующее противоречие между демократизацией, с одной стороны, и ностальгией по отошедшему в прошлое статусу элиты, с другой, обозначает растущую напряженность в мировой социологии.

> Повестка публичной социологии

На этом конгрессе Майкл Буравой сложил с себя обязанности президента. Он оставил свой след в организации, построив глобальное социологическое сообщество при помощи активного использования социальных медиа – того, что он называл цифровыми мирами – а также активно путешествуя и встречаясь с социологами по всему свету. Сформулировав очень четкую и понятную – хотя и разделяемую далеко не всеми – концепцию публичной социологии, Буравой утверждает, что задача социологии заключается не только в том, чтобы проводить исследования и общаться с узким кругом коллег. Они должны представлять зеркало, в котором общество могло бы рассмотреть себя в прозрачной и систематичной форме. Такое видение публичной социологии органичным образом дополняется попыткой изменить расклад сил в социологическом сообществе, пропагандой

социологии, сензитивной к проблемам стран, находящихся за пределами Запада. Постепенно эта идея радикализовала социологию, превратив ее в интеллектуальный инструмент для общественных сил, старающихся построить более справедливый мир.

Конгресс МСА в Йокогаме сфокусировал наше внимание на теме социального неравенства и тем самым актуализировал программу публичной социологии. Идея о том, что социологи могут активно участвовать в социальных изменениях, не является новой. В конце концов, классическая марксистская социология была разработана как для того, чтобы менять мир, так и для того, чтобы проводить социологический анализ. Истоки американской социологии были тесно переплетены с движениями за социальные реформы. Питирим Сорокин активно участвовал в Русской революции 1917 года, чуть не распрощавшись с жизнью в водовороте событий. Несколько президентов МСА проявляли активность на политической арене: Ян Щепаньский и Альберто Мартинелли баллотировались и избирались в законодательные органы своих стран, а Фернандо Энрике Кардоза был избран сенатором, а затем стал президентом Бразилии.

На сессии конгресса, где выступали бывшие президенты МСА были озвучены различные точки зрения. Петр Штомпка, президент МСА 2002-2006гг. и профессор Краковского Университета, один из самых ярких оппонентов публичной социологии и ее революционных коннотаций, сформулировал альтернативный подход, описав социологию как академическую дисциплину, подразумевающую аккуратный, объективный исследовательский процесс, который, как он утверждал, не должен быть вовлечен в изменение мира. Место социолога в библиотеке, а не на баррикадах. По мнению Штомпки, основным долгом социологов, действительно стремящихся к борьбе с неравенством, является

в первую очередь понимание этого феномена. Большинство социологов, заявил Штомпка, поддерживают реформы, но не могут что-либо изменить, читая мораль и наставления или выкрикивая идеологизированные манифесты. На социологах лежит ответственность по выявлению механизмов и паттернов социальной жизни – в том числе тех, которые производят и воспроизводят неравенство и несправедливость. Карл Маркс провел большую часть своей жизни в библиотеке, а не на баррикадах. Он стал гигантом социальной мысли благодаря Капиталу, а не Коммунистическому манифесту, - утверждает Штомпка.

В своей презентации на Конгрессе и в более ранних публикациях Штомпка продвигал идею о создании единой академической социологии, в равной степени применимой к богатым и бедным странам. Невозможно создавать отдельные социологии для разных стран. Социальные механизмы и циклы социальных изменений являются одинаковыми для всех уголков планеты, хотя их формы и могут различаться. Стандарты социологических исследований и критерии оценки теорий также являются универсальными.

Очевидно, нельзя сказать, что одна из оппонировавших сторон права, а другая заблуждается. Социология способна принимать разнообразные формы, а социологи могут выбрать, какой тропой пойти, в соответствии со своим характером, навыками и идеологическими воззрениями. ■

Корреспонденцию направлять по адресу:
Владимир Ильин <ivi-2002@yandex.ru>

> Иммануил Валлерстайн получил награду «За особые заслуги в области социологии»

Майкл Буравой, бывший президент МСА, 2010-2014, председатель наградного комитета

Иммануил Валлерстайн, выдающийся ученый и лауреат премии «За особые заслуги в социологических исследованиях и практике».

Церемония открытия Всемирного социологического конгресса в Йокогаме сопровождалась вручением единственной профессиональной награды, премии МСА «За особые заслуги в социологических исследованиях и практике». Премия была заранее широко рекламирована, чтобы способствовать номинации как можно большего числа потенциальных лауреатов. Из большого числа кандидатов Комитет, состоявший из семи избранных членов Исполкома МСА, выбрал Иммануила Валлерстайна как первого лауреата.

Комитет получил доступ к широкому спектру документов, подтверждающих, что среди ныне живущих социологов ни один не смог оказать такого широкомасштабного влияния на социальные науки, как Иммануил Валлерстайн. Его вклад далеко не исчерпывается пятью десятками книг, удостоенных множества наград, и большого числа статей. Действительно, Валлерстайн – один из тех редких ученых, чья работа способствовала парадигмальным сдвигам в социологии.

Начав в 1960х с анализа колониализма и национально-освободительной борьбы в Африке, он перешел к интеллектуальному проекту, масштабному настолько, насколько это возможно, а именно к анализу возникновения и динамики развития «современной миросистемы». Свой теоретический проект Валлерстайн основал на досконально изученном и тщательно проанализированном историческом материале. Начиная с 1974 года, когда вышел первый том Современной миросистемы (три последующих тома вышли в 1980, 1989 и 2011 гг.), его подход вдохнул новую жизнь в социологию как компаративистский исторический проект, вернув ее в русло размышлений над такой классической проблемой как долгосрочные социальные изменения. Эта исследовательская рамка приносит свои плоды по сей день и привлекает к себе лучшие умы.

Переписывая мировую историю, он начал обдумывать и анализировать специфический провинциализм западной социальной науки, и не в последнюю очередь присущую ей искусственно созданную сегментацию на отдельные дисциплины. Его взгляд на реконструкцию социальных наук получил известность благодаря известной публикации *Откройте границы социальных наук*, которая является отчетом возглавляемой им комиссии Гюльбенкяна (1995). С тех пор из-под его пера вышло немало томов об истории и будущем социальных наук.

Валлерстайн – не просто интеллектуальный гигант. Он сделал чрезвычайно много для того, чтобы социология стала поистине глобальной дисциплиной, без усталости путешествуя по свету и занимаясь непростой организационной работой. В качестве президента МСА (1994-1998) он создал на глобальной арене пространство, дружелюбное и гостеприимное для социологов всего мира, в особенности для тех, кто занимается нашей профессией на Глобальном Юге, в Латинской Америке, в Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Он стал вдохновителем нового поколения лидеров МСА и мировой социологии. Комитет пришел к выводу, что Иммануил Валлерстайн является самым достойным кандидатом на получение награды МСА «За особые заслуги и успехи в социологических исследованиях и практике». ■

> Эмоциональный труд в глобальной перспективе

Интервью с Арли Хохшилд

Арли Хохшилд.

Арли Рассел Хохшилд — одна из самых известных социологов нашего времени. Ее работа доказывает, что сочетание теоретической глубины и доступного дискурса является эффективной стратегией плодотворного социологического исследования. Наиболее известны такие работы Хохшилд, как: «Управляемое сердце» (The Managed Heart) (1983), «Коммерциализация интимной жизни: заметки из дома и с работы» (The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work) (2003), «Аутсорсинг себя» (The Outsourced Self) (2012) и недавно вышедшая «Ну как семья? и другие эссе» (So How's the Family? And Other Essays) (2013). Восемь научных трудов Хохшилд посвящены тому, как анализ эмоциональной сферы помогает понимать отношения между микро- и макроуровнем социальной жизни. Такие авторские понятия, как «эмоциональный менеджмент», «эмоциональный труд» и «правила чувствования», являются ключевыми для Хохшилд. В этом интервью Арли Хохшилд проявляет себя как одновременно харизматичный и реалистичный человек. При разговоре с ней становится ясно, что перед тобой — внутренне свободный человек, находящийся в курсе основных проблем нашего времени и равнодушный к ним. Мадалена д'Оливейра-Мартинс, португальская исследовательница из Института культуры и общества Наваррского университета, Испания, провела это интервью в Беркли, штат Калифорния, 27 февраля 2014 года.

МО: В 1960-е вы учились в магистратуре Беркли. Как, с Вашей точки зрения, можно описать то, что тогда происходило, и как это повлияло на вашу социологическую позицию?

АХ: В октябре 1962 года я только приехала в Беркли. Кубинский кризис был в самом разгаре, и холодная война между Советским Союзом и США внезапно стала горячей. Президент Кеннеди и Никита Хрущев угрожали друг другу ядерными ударами. Однажды я приехала на велосипеде на центральную площадь кампуса и увидела на ней толпу студентов, молодых преподавателей, профессоров, собравшихся в группы по десять-двадцать человек. Они напряженно что-то обсуждали. Стоим ли мы на пороге ядерного Холокоста? Каковы перспективы движения за мир? Каждый участвовал в общественном движении. Я почувствовала, что должна быть именно там. Позже мне пришло в голову, что, наверное, Хабермас мечтал о том же — о разумной дискуссии на публичной площади.

Не так давно я шла по той же площади и видела студентов, проходящих друг мимо друга с телефонами, прижатыми к уху. Они разговаривали, но не между собой. Я почувствовала острую нехватку той, публичной, площади. Какая-то часть групповых обсуждений лицом к лицу, конечно, переместилась в интернет, однако в процессе они могли потерять непосредственное чувство общей цели. Я полагаю, мы в той или иной форме нуждаемся в магическом, объединяющем оптимизме 60-х и надежде на перемены к лучшему.

МО: Одно из ваших центральных понятий — эмоциональный труд, работа по вызыванию или подавлению эмоций, например, работа над тем, чтобы почувствовать «правильное настроение для работы». Расскажите, что заключено в этом понятии?

АХ: В обществах с растущим сектором обслуживания это понятие включает в себе повседневную реальность многих видов работы — нянь, воспитательниц в детских садах, работников хосписов, сиделок, учителей, сборщиков налогов, полицейских, работников колл-центров. Современные экономики все меньше и меньше базируются на рубке деревьев, бурении колодцев, производстве ткани, все больше и больше они начинают основываться на взаимодействии лицом к лицу, на прямой линии, чтобы оказывать услуги. Все эти взаимодействия требуют эмоциональных навыков.

МО: Я читала Ваши эссе «Любовь и золото» («Love and Gold») в сборнике «Глобальная женщина» *Global Woman* и «Суррогатная matka» («The Surrogate's

Womb”) в сборнике «Ну как поживает семья?» So How's the Family? У меня создалось впечатление, что Вы исследовали «эмоциональный труд» в глобальной перспективе. Так ли это?

АХ: Я исследовала жизнь нянь и работниц домов престарелых родом из стран глобального Юга, которые оставляют дома своих детей и стариков, чтобы заботиться о детях и стариках на глобальном Севере. Таким образом они создают «цепочки нянь». Вдохновленная работой Рассель Парренас, я провела интервью среди филиппинских нянь в Редвуд-Сити, штат Калифорния. Они сами пользовались услугами нянь в Маниле, чтобы те заботились об их детях. Это и есть «цепочка» нянь, и на ее конце находится ребенок, живущий на глобальном Юге, на котором держится вся эта структура.

МО: И результат этого процесса Вы называете «глобальной пересадкой сердца»?

АХ: Да, проявление сердечной любви в одном контексте переносится в другой контекст. Этот перенос требует напряженной эмоциональной работы. «Трансплантированная» няня вынуждена справляться с чувствами одиночества, изоляции и беспокойства, связанного с тем, что она чувствует большую эмоциональную привязанность к ребенку, о котором заботится долгие часы в доме предпринимателя Силиконовой долины, чем к своему собственному — ведь она не виделась с ним пять, шесть, семь лет, оставила его с теткой в Маниле, Сан-Педро-Суле, Мичоакане или где-нибудь еще на Юге. Зарплата няни позволяет покрывать затраты на образование ребенка, но сам ребенок может чувствовать себя обиженным, подавленным, озлобленным или даже в некоторой степени отстраненным от своей родной матери.

МО: Еще Вы писали о коммерческих суррогатных матерях из Индии, которых учат думать, что их матки подобны контейнерам для деторождения.

АХ: Да, интервью с суррогатными матерями в Ананде (Индия) были особенно волнующими. Это экономически бедные женщины, которым в матку имплантируется эмбрион супружеской пары. Суррогатные матери вынашивают ребенка для индийских или иностранных клиентов и рожают его за плату в размере от трех до пяти тысяч долларов. Используя эти интервью и данные социологических исследований Амриты Панде¹, я описываю самую большую в мире контору по прокату матки. По давлению финансовой необходимости суррогатная мать управляет эмоциональным отношением к собственному телу (чья это матка, если врач и клиент принимают решение об удалении лишних эмбрионов?) и к ребенку, которого она вынашивает: новорожденного отдают клиентам, но физиологическая мать долго потом вспоминает о младенце и о том, как она его родила.

Няни и суррогатные матери сталкиваются с вызовами эмоционального отстранения. В XIX веке Маркс дал нам мощный образ отчуждения на примере мужчины, европейского фабричного рабочего. Я предлагаю дополнение к этой модели: работница сферы обслуживания XXI века, приехавшая с Глобального Юга.

МО: Вы писали о «картах эмпатии». Немецкий социолог Гертруда Кох посвятила Вам свою книгу «Пути к эмпатии» (Pathways to Empathy). Что такое карта эмпатии?

АХ: Это воображаемое социальное пространство, ограниченное рамками, отделяющими его от других социальных пространств. Мы сопереживаем тем, кто находится внутри этого пространства, и не сопереживаем тем, кто оказывается за его пределами. Две группы людей могут быть одинаково способными к эмпатии и одинаково активно выполнять скрытые практики, увеличивающие эмпатию. Однако вследствие того, что их карты различаются, они отказывают друг другу в эмпатии. Для того, чтобы расширить свою карту, мы должны разрушить границу между этими группами. Как исследователь я изучаю то, каким образом мы можем это сделать.

МО: В статье «Социология чувств и эмоций» («The Sociology of Feelings and Emotions») 1975 года вы обозначили новый раздел социологии, «социологию эмоций». Было ли это важным шагом к признанию хабикуса, который требует пристального изучения?

АХ: Да. Эмоции — это центр того, чем занимается социология. Если мы занимаемся политической социологией, мы должны спрашивать о чувствах, стоящих за политическими убеждениями людей, и о том, как возникли эти чувства. Если мы занимаемся экономической социологией, мы должны спрашивать, какими чувствами наполнены наши представления об экономике, наши потребительские предпочтения, отчего мы видим радость и слезы на фондовых рынках. Каждый подраздел социологии имеет эмоциональное основание. Я предлагаю подвергнуть его тщательному изучению.

Эта идея пришла ко мне в 1970-х гг., когда в воздухе витали различные тенденции. Массовый переход женщин в сектор оплачиваемого труда потребовал изменения понятия женственности, правил чувствования и эмоционального менеджмента. Иногда вынуждены были меняться сами женщины — ведь невозможно быть скромным и подобострастным судебным адвокатом — а иногда женщины меняли атмосферу рабочих мест, легитимизируя практики заботы. Расширялась сфера обслуживания. Развитие корпораций привело к необходимости развития новых форм эмоционального менеджмента для регулирования отношений внутри и вне компании. При этом происходил рост культа частной жизни, семейные отношения утратили прочность, потеряли прежние опоры, вследствие чего семья больше стала зависеть от умения наладить эмоциональные отношения. Все эти тенденции привели меня к мысли, что нам необходимо разработать понятия, позволяющие исследовать эмоциональный стержень социальной жизни.

МО: Тревожит ли Вас то, как рассматривают эмоции в психологии и других науках?

АХ: Несомненно. Расскажу об одном из моих учителей, Ирвинге Гофмане. Он преподавал в Пенсильванском университете и приехал в Калифорнию, чтобы в очередной

раз пойти в лыжный поход. Мы с ним и с другими коллегами ехали в машине, смеялись над каким-то анекдотом, и тут он повернулся ко мне и спросил: «Арли, какие эмоции за рулем?». Как будто он хотел сказать: «Как можно изучать эмоции с научной точки зрения? Это невозможно». Он всегда был у нас мистером Знайкой и придерживался подхода чёрного ящика, что касается психологии: то есть, считал, что нельзя говорить о том, что у человека внутри. И всё же он постоянно рассказывал о всех этих внутренних процессах, делал это блестяще и давал нам очень важные инструменты для построения теории.

МО: В той же статье Вы предложили понятие, которого нет в классических социологических формулировках, а именно «чувствующее Я». Это образ, предполагающий, что для изучения эмоций необходимо учитывать активную роль индивида. Значит ли это, что эмоции являются результатом оценочных суждений? Являются ли они производными оценочных суждений или же рождаются из побуждений и инстинктов?

АХ: Правильны оба ответа. С одной стороны, я представляю эмоции как некие функции органов чувств, таких, как зрение, осязание, слух. У младенцев это именно так. Однако биологические детерминисты на младенцах и останавливаются. Социологическая задача — взять эту идею, назвать и исследовать различные способы, которыми мы управляем чувствами, присваиваем им ярлыки, приписываем значения этим ярлыкам, слышим эти значения и реагируем на них. Психологи восприятия не говорят: «У нас есть глаза, вот и все». Они исследуют то, как мы учимся видеть.

Один лапландец как-то рассказывал мне о том, как он шел по тропе в зимнюю стужу, это происходило за полярным кругом. «Вокруг тебя белый снег, — говорил он, — и вдруг ты вздрагиваешь, потому что видишь два маленьких черных глаза. Это же снежная птица! И ты начинаешь искать эти черные глазки. Ты готовишься к тому, чтобы снова их увидеть. Ты смотришь на снег уже иначе». То же самое мы делаем с нашими чувствами. Мы готовимся к радости («тебе очень понравится!») или злости («сам напросился!»). Мы вырабатываем «состояния ожидания» по отношению к нашим чувствам.

И кроме тех чувств, которых мы ожидаем, или тех, на которые мы себя настраиваем, есть еще те, которые, по нашему мнению, мы должны переживать в том или ином контексте. «Я должен быть рад тому, что выиграл приз», «я должен ужаснуться, узнав о brutальном преступлении». Такие утверждения представляют собой микромоменты, с помощью которых мы строим моральные карты, управляющие чувствами. Мы воображаем, что мы свободные ученые, но насколько мы свободны, если мы не очень-то обращаем внимание на правила чувствования?

МО: Мы живем в рыночной культуре, которая порождает тревожность нашей жизни и одновременно предлагает способы совладания с этой тревогой, что приводит к распространению соответствующих сервисов.

В то же время мы находимся в постоянном поиске «семейных» и «общественных ценностей». Являются ли эмоции и то, как мы ими управляем, показателями тех границ, которые мы преодолеваем? Насколько, по Вашему мнению «психологическая сила» противопоставлена «экономической силе» нашего времени?

АХ: Часто для описания частной жизни мы используем рыночный жаргон: «я на это не куплюсь», «ее фирменная улыбка», «он в тебя вкладывается». Метафоры подразумевают правила чувствования. В книге «Ну какживает семья?» (So How's the Family) я привожу пример нового сервиса, помогающего найти новых друзей (того же пола, без романтических целей) в нужном географическом районе. Это платный сервис, и он говорит тебе конкретно следующее: «Если вы оплатите нашу услугу, мы со всей возможной эффективностью найдем вам друга. Ваши инвестиции окупятся. Если вы зарегистрируетесь на сервисе, вы получите информацию о формировании дружеских отношений — о тех, кто действительно захотел найти друга и оплатил услугу». Если мы подходим к поиску друга как к инвестиции, мне интересно, меняет ли это правила чувствования, относящиеся к тому, как быть друзьями? В работе «Аутсорсинг себя» (The Outsourced Self) я пытаюсь проследить, как именно мы «создаем» границу между рынком и частной жизнью, и особенно — каким образом частные сервисы выбирают специализацию, распространяются и расширяют аудиторию от высшего до среднего класса. Я хочу выяснить, при каких обстоятельствах люди готовы воспользоваться подобной услугой как работники или клиенты сервиса. Я думаю, это происходит потому, что мы слишком «отстранены» от того, что называем частной жизнью.

МО: Вы можете рассказать о своем следующем проекте?

АХ: В книге «Аутсорсинг себя» я рассматривала то, как мы устанавливаем — или не устанавливаем — границы между рыночными и личными (семейными/общинными) способами восприятия жизни. В течение последних 25 лет Америка переживает все усугубляющийся раскол между консерваторами и либералами по поводу роли государства. У каждой стороны своя моральная карта и свой режим регулирования чувств. Обычно либералы боятся боевых роботов и слежки АНБ; консерваторы боятся чрезмерного государственного вмешательства и налогов. Я делаю попытку выбраться из собственного либерального пузыря и эмпатически понять людей, живущих в другом пузыре, чтобы больше узнать об эмоциональной логике, управляющей их и нашими убеждениями. Я также хочу обнаружить мосты через эту все расширяющуюся пропасть, и тогда мы сможем вернуться на публичную площадь, достичь согласия по некоторым вопросам и изменить мир к лучшему. Так что оставайтесь на связи. ■

Адреса для корреспонденции:
Arlie Hochschild <ahochsch@berkeley.edu>,
Madalena d'Oliveira-Martins <madalenaom@gmail.com>

¹ Исследование Амриты Панде представлено в этом выпуске «Глобального диалога».

> Сделано в Индии: зарисовки с бэби-фермы

Амрита Панде, Университет Кейптауна, ЮАР, и Дитте Мария Бьерг, Global Stories Productions, Дания

Амрита Панде отмечает, что суррогатные матери обладают всеми правами работающих граждан и занимаются творчеством, результатом которого является и вышивка, и рожденные дети. Фотография Мортена Кьергора.

«Это было великолепно. Я никогда не видел настолько актуального документального спектакля, в котором аспирантка социологии и актриса проводили бы исследование субъекта»

Симон Андерсен, "Smagsdomterne", Датское национальное телевидение

Для наших коллег, изучающих театр и перформанс, сценическая игра в ходе исследования – не новость, чего не скажешь о нас, социологах. Большинство из нас если и выступают на сцене, то лишь перед университетской аудиторией, где публикой являются студенты. Не так уж и часто мы привносим креативность

и изюминку в наше по преимуществу библиотечное социологическое воображение.

Поэтому когда Дитте Мария Бьерг, художественный руководитель копенгагенской Global Stories Productions, пригласила меня в качестве эксперта по индустрии суррогатного материнства в Индии и спросила, не хочу ли я принять участие в подготовке интерактивного театрального представления

по этой же теме, я про себя воскликнула «гип-гип-ура» и проделала пару танцевальных па. Предыдущие постановки Дитте включают в себя спектакли, основанные на работах американского социолога Арли Хохшильда об эмоциональной работе. Именно Арли познакомила нас. План Дитте был прост: «подготовить спектакль о суррогатном материнстве», для чего ей было необходимо порыться в моей диссертации и полевых заметках. Моя

Вернувшись в поле, суррогатные матери организовали Годх Бхарай для Амриты Панде. Фотография Мириам Нильсен.

прошлая жизнь в качестве актрисы в Индии оказалась достаточно подходящей для такого случая, и я была повышена с должности «поставщика полевых дневников» до «преподавательницы-актрисы».

И так мы начали наше междисциплинарное путешествие – две актрисы-исследовательницы, изучающие интерактивный театр как метод расширения нашего понимания суррогатного материнства.

Ниже мы приводим серию полевых заметок, сделанных социологом (Амритой), старающимся использовать креативные методы для переосмысления собственной работы, и режиссером (Дитте), использующим двойную линзу художника и исследователя. Наш творческий процесс включал два проекта. Одним из них стал спектакль «Сделано в Индии: Годх Бхарай» (ритуальный индийский праздник по случаю предстоящего рождения ребенка) разыгранный

суррогатными матерями, другой – проект совместного вышивания Оба проекта позволили нам общаться с суррогатными матерями за пределами их роли «дисциплинированных матерей-работниц», живущих под строгим наблюдением в специальных общежитиях (Pande, 2010). Кроме того мы смогли поделиться опытом суррогатного материнства с глобальной публикой – с теми людьми, которые в противном случае никогда бы не узнали о тех, кто осуществляет работу биологических матерей в Индии. Мы изучаем эти процессы в ходе театрального представления, в котором принимают участие два отличных друг от друга сообщества – суррогатные матери и публика. Конечная цель интерактивного представления «Сделано в Индии: заметки с бэби-фермы» состоит в том, чтобы навести мосты между сообществами и заставить их критически переосмыслить то, каким образом они видят себя, окружающих, как и себя по отношению к окружающим.

> Постановка Годх Бхарая

Дитте: Читая полевые заметки Амриты, я поняла: чтобы превратить собранные ею истории в театральный спектакль, способный вызвать реакцию публики, мне необходимо отправиться в Индию вместе с Амритой и моим творческим коллективом (театральным художником, видео- и фото-оператором), чтобы создать визуальный материал, который бы перекликался со сценой и помогал в коммуникации с аудиторией. Кроме того, необходимо было изучить отношения между экспертом-интервьюером-социологом Амритой и информантками. Как именно это сделать, мне было неясно, до того дня, как Амрита позвонила мне и сказала: «Дитте... Во время нашего путешествия я буду беременна».

Амрита: Вход Дитте в мое поле произошел через клинику по лечению бесплодия и общежитие для суррогатных матерей, где я проделала большой объем этнографической работы для моей книги Рабочие матки. Решение вернуться в этнографическое поле

– в некотором роде нервотрепка... Ты никогда не уверена, встретят ли тебя респонденты с распростертыми объятиями или же предадут тебя анафеме за неверную интерпретацию их жизни. Мое возвращение затруднялось еще и тем, что на тот момент я находилась на шестом месяце беременности. Я не была уверена, как моя беременность будет воспринята самими суррогатными матерями. Мои волнения по поводу того, что я могу показаться неуважительным исследователем, были развеяны ответами, полученными мной от друзей и суррогатных матерей, с которыми я связалась по электронной почте и телефону. Женщины были готовы с радостью принять меня, «наивную» (читай: незамужнюю) исследовательницу в новом амплуа, а Дитте с энтузиазмом отнеслась к идее превратить мое возвращение во вводную часть интерактивного театрального проекта.

Приехав в общежитие для суррогатных матерей, я встретила несколько старых подруг – женщин, вынашивающих суррогатную беременность во второй или даже в третий раз. Они с радостью взяли на себя обязанности по организации для меня вечеринки Godh Bharai. Администратор общежития часто организует для суррогатных мам такой ритуал на седьмом месяце беременности. Суррогатным матерям в этот раз разрешили нарушить все правила общежития, в виде исключения пропустить послеобеденный тихий час и вместо этого нарядить меня. Джигна, единственная суррогатная мать из одной из высших каст, вызвалась участвовать в качестве «священника» для ритуала, а Пуджа – в качестве визажиста. За шесть лет в поле, это был первый раз, когда я видела суррогатных матерей не около своих постелей в общежитии, а активными, беззаботно поющими, танцующими и непринужденно смеющимися. Всем процессом управляли именно они, нравилось это творческому коллективу или нет. Если то, что я увидела, действительно было продуктом художественной интервенции, я была только за! День шел, пение продолжалось, и в какой-то момент после обеда суррогатная мать Ваишали тихо заметила: «Единственная разница в том, что в кон-

це всего этого ребенок останется у тебя».

> Совместная вышивка

Амрита: Дискуссии вокруг практики суррогатного материнства нередко затрагивают вопросы морали. Общежития для суррогатных матерей считаются «бэби-фермами». «Но есть ли смысл постоянно обсуждать, как аморальна ситуация, когда бедные темнокожие женщины вынуждены продавать свои матки? Не нужно ли нам просто пережить это и наконец и понять, что эти женщины – работницы, работницы с соответствующими трудовыми правами? Что вы думаете?» Я пишу эти строчки в сценарии для европейской театральной аудитории и задаюсь вопросом о том, как бы они отреагировали. Как перевести разговор из плоскости морали в плоскость прав работника?

Дитте: Одно из «тренинговых» занятий для женщин, живущих в общежитии для суррогатных матерей, – это вышивание. Дважды в неделю их посещает учитель, который учит женщин вышивать банальные узоры вроде цветочков и листиков. Такая гендерно окрашенная работа воспринимается как «подходящая» для беременных, ведь она не вредит ребенку, не ставит под вопрос ни дисциплинарные практики в общежитии, ни медперсонал, ни клиентов, посещающих общежитие. Но мы придумали хитрый план: нам предстояло договориться с женщинами о том, чтобы они сделали несколько вышивок для нашего представления, повествующих о своей «работе» суррогатными матерями. Женщинам платили бы за вышивку, а наша публика получила бы конкретную репрезентацию и поняла бы, что эти женщины действительно являются работницами, способными произвести на свет что-то помимо детей. Проект был запущен при участии известной художницы и активистки Маллики Сарабхай (Mallika Sarabhai) и НКО для женщин, работающих в сфере неформальной занятости (SEWA). Мы приехали в общежитие для суррогатных матерей, где 50 беременных женщин собрались в комнате для просмотра телевизора, чтобы услышать, в чем заключаются

наши идеи и посмотреть черновики узоров. Как только они начали понимать, что все узоры касаются «продуктов» и их работы как суррогатных матерей, они начали хихикать, смеяться и выступать с предложениями. Наши идеи об узорах с изображением уколов, трансфера эмбрионов и извлечении яйцеклеток сопровождаются изображениями, придуманными ими: самолетами, мобильными телефонами и красным острым перцем чили.

На последнем представлении спектакля «Сделано в Индии» эти вышивки были показаны публике, сразу после того, как Амрита озвучивала мысль о суррогатном материнстве как работе, а о суррогатных матерях как работницах, обладающих трудовыми правами. Зрители получили возможность поддержать вышивки в руках во время антракта и поразмышлять над тем, что каждая вышивка представляет женщину, работающую суррогатной матерью в Индии. В последнем отделении спектакля зрители имели возможность высказать свои мнения по поводу такой работы и задать вопросы участникам спектакля.

> «Сделано в Индии» – турне 2013-2014

Спектакль пользовался огромным успехом в Скандинавии. Первый спектакль прошел в Стокгольме осенью 2012 года. После турне по Швеции в 2013 году шоу было показано на нескольких площадках в Дании. Теперь спектакль Сделано в Индии существует и в версии, созданной специально для турне. Амрита Панде и Дитте Мария Бьерг хотят показывать спектакль на конференциях и фестивалях как пример того, что искусство и академия могут стимулировать друг друга. Спектакль длится два часа и включает в себя инсценированную пресс-конференцию, на которой Амрита Панде играет множество разных персонажей, вовлеченных в процесс суррогатного материнства. ■

Адрес для корреспонденции:
Amrita Pande <amritapande@gmail.com>.
Дополнительную информацию, отзывы и фотографии вы найдете на сайте www.globalstories.net

> Французская СОЦИОЛОГИЯ

на пороге XXI века

Брюно Кузен, Университет Лиль-1, Франция, член ИК 21 (по региональному и городскому развитию), и **Дидье Демазьер**, CNRS и Sciences Po, Париж, Франция

Социология как область знания и социологическая профессия в том виде, как они существуют во Франции, не подвергались систематическому анализу в качестве социологических объектов, хотя такие дисциплины, как философия и экономика, неоднократно становились предметом анализа (например, об экономистах писали Фредрик Лебарон (Frédéric Lebaron) и Марион Фуркаде (Marion Fourcade)).

Однако, у нас все же есть несколько монографий и биографий, посвященных социологам, считающимся самыми креативными в интеллектуальном плане, а также о фигурах, значимых для организации науки, например, Жорже Фридмане и Жорже Гурвиче, которые, хотя в основном и неизвестны не говорящему по-французски читателю, сыграли ключевую роль в становлении социологии во Франции в послевоенный период, поддерживая связи между учениками Эмиля Дюркгейма (Марсель Мосс, Морис Хальбвакс) и последующими поколениями. Более того, опубликовано много автобиографий влиятельных французских социологов первой половины XX века: Раймона Арона, Жоржа Баландье, Люка Болтански, Пьера Бурдьё,

Мишель Крозье, Франсуа Дюбет, Анри Лефевра, Анри Мендра, Эдгара Морен, Пьера Навиль, Жерара Нуарель, Доминик Шнаппер и др. Воспоминания коллег, официальные истории некоторых факультетов и исследовательских центров, а также наши прямые наблюдения, позволяют нам широкими мазками набросать картину общей эволюции французской социологии за последние несколько десятилетий.

Первая ключевая трансформация заключается в прогрессирующем ослаблении противостояния между школами мысли, и замена их более тематической организацией ученых. Хотя школы мысли организованы вокруг сильной теоретической парадигмы, лидирующего ученого и исследовательского центра, практически всегда в Париже тематическая организация способствует сотрудничеству в изучении определенной сферы социальной реальности. Сегодня, например, отсутствует эквивалент когда-то доминировавшего квартета Бурдьё – Турен – Круазье – Будон, структурировавшего подавляющую часть социологического поля с середины 1970х до второй половины 90х (т.е. в течение периода, следовавшего за академическим упадком исторического материализма и успехом структурализма). Конечно же, акаде-

мические споры и противостояние между наследниками этих традиций не угасли окончательно, и развиваются новые теоретические подходы, заметные как на национальной, так и на международной аренах.¹ Однако, на сегодняшний день вместо крупного теоретического диспута, мы в основном наблюдаем реорганизацию научных дебатов вокруг крупных тем: городская социология, экономическая социология, политическая социология, социология образования, социология миграции и т.д.

Такой уклон в сторону специализации вызван, помимо прочего, масштабным увеличением числа исследователей и преподавателей за несколько последних десятилетий XX века. Он заставляет их стремиться к дифференциации своих полей, выбирая более узко проблематику исследования и создавая или усиливая тематические субполя, в каждом из которых теперь работает достаточно много исследователей, что обеспечивает определенную долю автономии. В дополнение к этому, облегченный доступ к мировой научной литературе привел к росту международной научной открытости. При этом границы между исследовательскими субполями усиливаются благодаря растущим издержкам,

“Сегодня отсутствует эквивалент когда-то доминировавшего квартета Бурдые – Турен – Круазье – Будон”

связанным с поддержанием научного диалога с использованием международных ссылок (то есть ссылка на литературу на английском языке теперь являются необходимым условием публикации статей в главных французских журналах).

За последние 15 лет наиболее престижные исследовательские университеты Франции – в том числе Sciences Po и Высшая школа социальных наук – стремились привлечь к себе международное внимание, таким образом лишь усугубляя тенденцию к фрагментации. Сходным образом, учреждение Французской социологической ассоциации (в 2002 г.) по тематическим секциям напрямую усиливает этот тренд.² Более того, тематическая специализация в целом сочетается с пространственным во французской академии интересом к междисциплинарности в социальных и гуманитарных науках. Наконец, такая эволюция приветствуется разнообразными учреждениями, нуждающимися в соответствующей экспертизе.

Действительно, с начала XXI века три роли, которые обычно играют французские социологи – исследователя, советника для лиц, принимающих решения, интеллектуала-критика – претерпели ряд изменений. Первая роль должна была укрепиться недавними реформами, нацеленными на повышение конкурентной способности французских исследований на международном рынке. Однако нехватка вакансий для исследователей и преподавателей (см. статью Мюсселина в настоящем номере ГД), спонсирование исследований по системе гранто-

вых заявок, а также расширение бюрократического аппарата оценки качества, помимо многочисленных случаев peer review (см. статью Лебарона в настоящем номере ГД), снизили индивидуальную и коллективную автономию социологов, а также представителей других дисциплин.

В то же время, роль французских социологов как политических советников не укрепилась и не расширилась. Хотя многие работают в государственных и локальных консалтинговых комиссиях, исследовательских институтах, стремятся влиять на ход политических дебатов и так далее, им в реальности слабо удается оказать влияние на непосредственный процесс принятия политических решений. Их экспертная оценка зачастую воспринимается как дополнение к анализу, уже проведенному высокопоставленным технократами в правительстве (в то время как главный университет, отвечающий за подготовку чиновников, Государственная школа администрации, уделяет мало внимания социологии). Экономика рассматривается как намного более легитимная и эффективная наука, знание которой может помочь в принятии политических решений. Несмотря на это, в некоторых случаях и государственный сектор, столкнувшись с «социальными проблемами», и частный сектор, которому необходимо управлять человеческими ресурсами, обращаются к социологическому знанию (см. статью Нейрат в этом номере ГД)

Наконец, критические измерения французской социологии – ее способность разоблачать неравенство,

механизмы эксплуатации, власти, дискриминации и социального воспроизводства, а также способность наделять социальные движения концептуальными инструментами и альтернативами статусу кво – также изменились в последние годы. С момента смерти Бурдые в 2002 году ни один социальный ученый во Франции не смог добиться такого уровня признания, как он. Однако тренд специализации способствовал росту числа активных социологов и коллективов, выступающих в качестве «специализированных интеллектуалов» (по выражению Мишеля Фуко). Их анализ и политическая позиция часто фигурируют на страницах газет и критических журналов, читаемых в рамках академии и за ее пределами. Более того, во Франции, как и везде, набирает обороты тенденция к рефлексии, которая призывает к осмыслению трудностей производства критической мысли и критической социологии; иногда это оказывает влияние на регулирование социологической профессии, как это было в случае с национальной ассоциацией, отказавшейся принять профессиональный кодекс (см. статью Пюдал в настоящем номере ГД). ■

Адреса для корреспонденции:
Bruno Cousin <bruno.cousin@univ-lille1.fr>
Didier Demazière <d.demaziere@cso.cnrs.fr>

¹ Например, социология критической способности и режимов действия Люка Болтански и Лорена Тевено, а также акторно-сетевая теория Бруно Латура и Мишеля Калона, зачастую цитируются как яркие примеры французской «прагматической социологии».

² О французской социологии см. Cousin, B. and Demazière D. (2014) “L’Association Française de Sociologie: A Young and Rallying Organization,” *European Sociologist* 36, pp. 10-11: http://europeansociology.org/docs/Newsletter/ESA_Newsletter_Summer%202014.pdf

> Исчезающие академические карьеры

Кристин Мюсселен, Sciences Po, CSO-CNRS, Париж, Франция

Сфера высшего образования и научных исследований во Франции включает в себя три типа институтов. Во-первых, университеты, предлагающие программы PhD, во-вторых, национальные исследовательские институты, в том числе междисциплинарные Национальный центр научных исследований (НЦНИ-CNRS) и более специализированный INSERM по биологии, или же INRA по сельскому хозяйству и агрономии, в-третьих, «большие школы» (*grandes écoles*), которые готовят французскую административную и экономическую элиту, но где довольно редко выпускают докторов наук. Французские социальные исследователи, в том числе социологи, преимущественно работают в университетах. Некоторые позиции открыты в Национальном центре научных исследований (НЦНИ), но туда всегда набирают меньше преподавателей, чем в университеты. При этом наблюдается разрыв между этими структурами: число студентов и число университетских позиций растет быстрее, чем число позиций в вышеупомянутом исследовательском центре. Ряд социологов работает в специализированных исследовательских институтах, но они достаточно маргинальны, так как эти учреждения занимаются прикладными исследованиями.¹

Наконец, некоторые социологи работают в инженерных школах и школах менеджмента. У нас нет данных по последней группе, но так как их карьера и зарплаты индивидуальны в каждой школе, в этой заметке речь в основном пойдет об университетах, где на настоящий момент работает большинство академических социологов Франции.

Для получения позиции в университете необходимо, прежде всего, иметь PhD. Национальный Университетский комитет (*Comité National des Universités, CNU*), государственное учреждение, разделенное на государственные дисциплинарные комитеты, должен подтвердить, что кандидат обладает соответствующей квалификацией для того, чтобы подать документы на позицию доцента. Следует отметить, что во Франции такие позиции являют-

ся штатными. Исторически сложилось так, что ранее во французских университетах отсутствовали штатные позиции, хотя в последние годы некоторые *grandes écoles* ввели процедуру аттестации. В 2013 году из 386 докторов² социологии, проходивших эту процедуру, только 221 были аттестованы; при этом надо учесть, что результаты признаются действительными в течение 4хлет. Всего в этом году было доступно 27 вакансий социолога.

Так как число вакансий, предлагаемых НЦНИ очень мало (в среднем 5-6 в год), академические позиции доступны лишь малой доле докторов социологии. В 2012 году, лишь 6,5% социологов со «свежей» квалификацией были приняты на такие вакансии. Их средний возраст – 35 лет, большинство (57%) – женщины. Очевидно, многие аттестованные доктора остаются ждать на пороге академии. Как было показано в недавнем исследовании, французское научное сообщество все еще отдаст предпочтение молодым и продуктивным новым коллегам, обладающим линейной научной карьерной траекторией, недавно получившим степень PhD. Как следствие, шансы тех, кому не удалось занять позицию доцента сразу после получения степени PhD стремительно тают.

Обязанности нового доцента включают в себя преподавание в объеме 192 аудиторных часов в год. Во многих местах новичка просят взять на себя чтение курсов, которые не по нраву более опытным преподавателям. Сохранить высокий уровень исследовательской активности, а уж тем более проводить полевую работу, требующую крупных вложений времени, - непростая задача в таких условиях. В городах с высокой стоимостью жизни, например в Париже, низкая зарплата доцента (около 2500 евро в месяц через несколько лет работы) заставляет многих работать дополнительные часы, что в свою очередь уменьшает объем времени для проведения исследований. Этот паттерн частично объясняет, почему многие остаются доцентами до конца своей карьеры, никогда не повысив свой статус до профессора.

“Многие аттестованные доктора остаются ждать на пороге академии”

Повышение до уровня профессора предполагает подготовку второй диссертации. Опять же, кандидаты, чтобы иметь возможность подать на должность профессора, в первую очередь должны быть аттестованы тем же государственным дисциплинарным комитетом, о котором речь шла ранее в статье. В этом случае доля тех, кому удается ее получить вторую степень, достаточно высока (67% из 64 кандидатов, написавших диввертации в 2013 году). В последние годы этот процесс не был таким конкурентным, как ранее (на 42 кандидата, признанных квалифицированными в период с 2010 по 2013 год, приходилась 21 позиция). В 2012 году 30 процентов новичков были приняты на должность профессора. Средний возраст новых профессоров 2012 года составлял 47 лет, 41% из них составляли женщины.

Конкуренция за доступ к академической профессии показывает, что многим она все еще кажется привлекательной опцией, несмотря на невысокий уровень зарплаты. Зарплата варьируется от 2100 евро в месяц для доцента до 6000 евро для опытного профессора. Повышение зарплаты частично зависит не только от старшинства, но в большей степени от того, насколько быстро (если вообще) ученый становится профессором, хотя в социальных науках это обычно происходит позже, чем в естественных.

Положение французских ученых, в том числе социологов, значительно изменилось за последние годы в связи с реформами в управлении университетами. Ученые все еще считаются государственными служащими, их статус определяется государством, однако все большее

количество компетенций делегируется университетам. С 2007 года университеты сами несут ответственность за заработную плату, что превращает преподавателей в наемных работников своих учреждений. В то же время расширение системы оценивания проектных исследований, а также развитие бюджетирования, основанного на результатах работы, предоставили университетам больше информации о работе сотрудников, что привело к росту значимости институционального оценивания и поощрения. Благодаря этому несколько увеличилась дифференциация тех, кто успешно адаптировался к новым правилам игры, и остальных. Также увеличились междисциплинарные различия: успешность выполнения новых требований распределена неравномерно. Сейчас слишком рано делать выводы о том, какого рода последствия принесет децентрализация университетского финансирования и повышения уровня соревновательности, однако этот сдвиг должен стать объектом для наблюдения в течение последующих нескольких лет. ■

Адрес для корреспонденции:
Christine Musselin <christine.musselin@sciencespo.fr>

¹ В отличие от CNRS и INSERM, исследовательские лаборатории специализированных исследовательских учреждений не принадлежат к университетам, в то время как 85% исследователей из CNRS, и практически все из социальных наук, работают в исследовательских отделах, аффилированных как с CNRS, так и с университетами.

² Статистика Министерства высшего образования и науки: <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/pid24586/concours-emploi-et-carrieres.html> (9 мая 2014).

> Оценка социологических исследований во Франции

Фредрик Лебарон, Университет Версаля Сен-Квентин-ан-Ивелин, Франция

Во Франции, как и в других странах, социологи тратят значительное время оценивая работу друг друга, а также отвечая на многочисленные оценки и отзывы. Несомненно, учитывая то, каким образом организовано высшее образование и исследовательская работа, а также национальные исследовательские практики, во Франции эта квази-повсеместная деятельность принимает особые формы.

> Оценка докторской диссертации и аккредитация научного руководства

Во Франции докторские диссертации оцениваются совершенно особым образом. Диссертация обычно достаточно объемна, не менее 300 страниц, а иногда и около 1000. Она сдается будущим членам жюри (состоящего из 5-6 преподавателей, в том числе научного руководителя). Двое обязаны быть представителями внешнего учреждения или университета. Они имеют право принять решение о переносе защиты на более поздний срок. Если диссертация оценивается ими положительно, то каждый из членов жюри, начиная с научного руководителя, должен прокомментировать ее в течение защиты. Затем они задают кандидату вопросы, что представляет собой достаточно продолжительный ритуал, длящийся около трех часов. Затем комиссия решает, выставить ли кандидату высший балл *“félicitations*

du jury”, отметку второго уровня *“très honorable”* или же более низкую оценку. Первое предполагает единогласное мнение комиссии, что выясняется в процессе тайного голосования. Наконец, председатель комиссии пишет длинный отчет о защите диссертации, в котором описывает, что сказал каждый член комиссии во время защиты. Этот текст играет решающую роль в академическом будущем докторанта.

Все докторанты стараются получить высшую оценку. Она имеет критическое значение, но показатели распределения оценок по университетам сильно различаются (некоторые университеты в принципе отказались от такой практики). В социологии повышенное внимание уделяют отчету комиссии, который в сжатой форме предоставляет информацию о качестве диссертации и включает комментарии членов жюри.

> Оценка научных трудов (статей, монографий, отчетов)

За последние несколько лет оценка журнальных статей претерпела очевидные изменения. Происходит «нормализация» практик оценивания в соответствии с международными стандартами. Среди прочего соблюдается анонимность автора, а рецензии от двух коллег (как минимум) должны быть анонимными и детальными. Эти изменения происходят из-за необходимости публиковаться на разных стадиях академической карьеры.

Публикации на английском языке все еще довольно редки во французских журналах, но они превратились в ключевой критерий оценки как для исследователей, так и для институтов – что не может не оказывать влияния на политику журналов. Некоторые французские журналы выбирают несколько своих статей и переводят их на английский, чтобы повысить показатели академического присутствия того, что считается наиболее оригинальными результатами французских исследований в англоязычном академическом пространстве.

Французское агентство по оценке исследований и высшего образования (AERES) публикует список журналов на нескольких языках, считающихся самыми актуальными в рамках дисциплины. Конечно, на практике ведутся споры о том, какие журналы действительно качественные, какие действительно «социологические» и так далее.

Важно отметить, что публикации монографий остается важнейшей задачей социолога. Диссертации нередко издаются в форме книг, а индивидуальные и коллективные монографии структурируют профессиональные дебаты и преподавание.

> Карьеры и учреждения

Академические вакансии объявляются на основании аттестации, проводимой «отборочными комитетами» университетов и «Национального комитета» для позиций в Националь-

>>

“**Наших индикаторов явно недостаточно**”

ном центре научных исследований (CNRS). Диссертация и диссертационный отчет являются, несомненно, критически важными на начальном этапе процесса аттестации. Еще большее значение имеют журнальные публикации, а также стаж работы, в том числе преподавательский.

Существует две отдельные системы аттестации исследователей и преподавателей университетов. В первом случае аттестация производится регулярно и циклично, во втором зависит от того, является ли оцениваемый доцентом или профессором, и проводится лишь в случае, если кандидат стремится к повышению по службе. В обоих случаях собирается государственный комитет, состоящий из выбранных и назначенных представителей. Процесс аттестации сопровождается многочисленными дебатами о критериях оценки, журналах и так далее.

Национальный совет университетов стал центром острых профессиональных конфликтов. Хотя идея аттестации кажется общепринятой, не все социологи считают адекватным установление недвусмысленных норм для оценки эмпирической работы или качества публикаций. Помимо этого, большинство отказывается применять стандартизированные нормы, основанные на библиометрике. Критерии оценки, таким образом, представляют собой непростое поле, требующее прозрачной и многомерной перспективы. Отсюда вытекает необходимость продолжить постоянную и глубокую дискуссию о каждом компоненте нашей профессии: преподавании, исследованиях, распространении исследовательских результатов

и других профессиональных обязанностях. Конечно, для каждого вида профессиональной деятельности необходимы разные критерии, которые следует принять во внимание. Прimitивная шкала оценки не должна применяться.

Учреждения - исследовательские центры или лаборатории - оцениваются в основном на основании истории публикаций. Другие критерии включают в себя: внутреннее функционирование, управление, интеллектуальную активность, проявляющуюся в организации семинаров и так далее. В отличие от других стран во Франции отсутствует единая государственная система оценки исследовательских центров или факультетов. Рейтинг, признаваемый министерством, основан на таких критериях, как профессиональные карьеры выпускников. Таким образом, он в основном имеет отношение к тому, насколько сильны магистерские профессиональные программы.

> В защиту более всесторонней и целостной оценки

Дальнейшее развитие французской социологии (если мы хотим, чтобы эта дисциплина была инновационной и глубокой) предполагает, что представление о многомерной оценке качества исследований и публикаций получит распространение за пределами Франции. Для этого нам следует отказаться от тотальной гегемонии английского языка, которая стирает некоторые национальные особенности. Нам также следует отказаться от библиометрики как ресурса упрощенной системы оценки исследователей и исследователь-

ских центров. Следует разработать более тонкие формы оценки, чтобы учесть конкретные характеристики социологических работ. Следует также сопротивляться любым формам сектантства и сепаратизма – как в случае школ, так и в случае целых интеллектуальных традиций.

Значительные усилия должны быть инвестированы в сохранение интеллектуальной жизни на национальном языке. Обмен между национальными социологиями необходимо углублять и расширять, и хотя для этого потребуется больший объем переводов, в результате международный обмен знаниями станет проходить на более эгалитарных основаниях.

Более того, важнейшее значение для будущего нашей дисциплины имеет развитие системы показателей оценки профессиональной деятельности, которая не должна ограничиваться числом и качеством публикаций. Качество программ подготовки специалистов является важным аспектом, но в настоящее время наши индикаторы измеряют лишь успешность выпускников на рынке труда, чего явно недостаточно. Хотя их и следует принять во внимание, измерять и интерпретировать их можно намного более эффективным образом. Более того должны приниматься во внимание вклад в коллективную академическую жизнь, качество «демократического управления», а также условия работы и академической карьеры, особенно в случае молодых специалистов, соглашающихся на прекарные контракты. ■

Адрес для корреспонденции:
Frédéric Lebaron <frederic.lebaron@uvsq.fr>

> Социология во Франции: меняющаяся профессия

Фредерик Нейра, Лиможский университет, Франция

С 1960-х гг. во Франции идет дискуссия о судьбе социологии как профессии. В это время высшее образование стало массовым и число студентов, записанных на учебные программы по социологии, резко возросло. Но так как социология считалась относительно «новой» дисциплиной по сравнению с гуманитарными, возникали сомнения по поводу перспектив трудоустройства выпускников. В то время перспективы занятости выпускников гуманитарных факультетов (и, соответственно содержание учебных программ) связывались в основном с преподаванием в средней школе. Действительно, 50 лет назад социология не преподавалась в школах, но даже теперь, после того, как в школьную программу был включен блок экономических и социальных наук и проводятся конкурсы на позицию учителей (CAPES в 1969 году, *aggregation* по экономике и социальным наукам в 1977 году), связь школы с социологическими программами в университетах остается ограниченной.

Более того, сомнения по поводу карьерных перспектив студентов социологии также были политически мотивированы: некоторые студенты, протестовавшие в мае 1968 года, были социологами. Странники Раймона Арона (*The Elusive Revolution: Anatomy of a Student Revolt*, Praeger, 1969) в его критике «коллективного делириума майской революции», утверждали, что основная причина протестов заключается в «беспорядке в университетах» и «отсутствии перспектив на получение работы». Этот дискурс многократно обновлялся и воспроизводится до сих пор. Социология стала символом отсутствия карьерных опций для студентов гуманитарных факультетов и факультетов социальных наук, хотя Французский центр исследования квалификаций (CEREQ) и посоветовал пересмотреть это заключение в свете реального опыта выпускников различных программ по социологии.

Несмотря на это, именно на уровне докторантуры профессиональные перспективы социологов представляют наибольший интерес. Или, если быть точнее, изучение

профессионального пути социолога поможет нам понять, какова позиция дисциплины как таковой. Сразу приходят в голову позиции преподавателя-исследователя, а также исследовательских должностей в крупных государственных учреждениях. Вне сомнения, социология как дисциплина выиграла от второй волны массового расширения высшего образования. Между 1984 и 2010 годами число вакансий на позиции преподавателей-исследователей росло с большей скоростью, чем в других дисциплинах: рост составил 302 % для социологов – против 213% для других дисциплин. Однако, в последние годы паттерны роста были менее многообещающими для социологии, как и для других академических секторов. В целом, социологические исследования во Франции находятся в состоянии упадка. Прием на работу в университеты падает. Менее чем за пять лет число позиций для социологов упало на 25 % : с 2000 до 1500. Аналогично число вакансия снизилось с четырехсот до трехсот.

В то же время прекарность условий работы социологов интенсифицировалась, как в сфере исследований, так и в сфере преподавания. Более высокий процент государственных исследований во Франции спонсируется через гранты Французского государственного исследовательского агентства (ANR). Позиции «постдок» также создаются, однако они прекарны по своей сути. Более того, университеты стремятся к тому, чтобы отложить прием преподавателя-исследователя на постоянную позицию. Закон LRU 2007 года позволил университетам нанимать сотрудников, заключая с ними личные постоянные трудовые контракты, предполагающие выполнение таких функций, как «преподавание, исследования, или же преподавание и исследования». С 2012 года все больше университетов перенимает эту стратегию. Действительно, французским государственным университетам была дана «автономия», так как государство частично отстранилось от предоставления им финансирования – как показал Том Пикетти в недавно опубликованной статье «*Faillite silencieuse à l'université*» (*Libération*, 18 ноября 2013). В результате почти четверть университетов, в том

“Примерно четверть всех университетов находится на грани банкротства”

числе всемирно известных находятся на грани банкротства и все чаще обращаются к схеме неофициальных вакансий, которые обходятся им дешевле и не приводят к заключению долгосрочных контрактов.

К счастью, будущее социологов не ограничивается академической сферой. Многие исследовательские компании и консалтинговые фирмы, для работы в которых необходимы социологические навыки, были созданы в последние несколько лет в условиях растущего спроса на прикладные исследования и оценки. И в урбанизме, и в планировании, предварительные исследования, обычно проводимые междисциплинарными командами, являются совершенно необходимыми. В зависимости от важности и целей конкретного проекта, социологи могут быть включены в команду. Это в особенности относится к проектам «городской реновации», в особенности «чувствительным городским территориям» (ZUS). Менеджеры программ нуждаются в оценках влияния проектов планировки на процессы городской сегрегации и интеграции.

Еще один рынок исследовательских компаний и независимых консультантов – это оценка государственной политики. Например, в отношении здравоохранения социологов просят оценить политику в отношении работы сиделок для людей старшего возраста. Подобным образом, политика в сфере образования, культуры, а также социальная политика являются частыми объектами экспертной оценки, запрашиваемой госорганами. Наконец, бизнесу также нередко требуются результаты исследований по следующим темам: оценка психосоциальных рисков (стресс, домогательства, самоубийства), организация работы (реорганизация, меры по даунсайзингу, переезд), продвижение гендерного равенства, а также принятие антидискриминационных мер в рамках компаний.

Социологи – не единственные специалисты на рынке исследований и консультирования по этим темам. Исследования часто являются междисциплинарными. В

дополнение к этому, социологи зачастую соревнуются с другими специалистами, которые могут заявлять, что они также являются социологами (этот титул не является объектом правовой защиты во Франции). Несмотря на это, углубляющаяся специализация приносит некоторую долю профессиональной защиты, например, благодаря созданию профессиональных магистерских программ, фокусирующихся как на преподавании социологических навыков, так и на изучении конкретной сферы социальной реальности. Умение применять как качественные, так и количественные методы достаточно высоко ценится, и является ценным дополнением к тому, что социолог разбирается в теме относительно узкой направленности (урбанистика, социология здоровья, социальная политика).

Некоторые социологи, работающие в исследовательских фирмах, являются обладателями докторских степеней и приняли решение временно (или навсегда) покинуть академию, учитывая непростую ситуацию на академическом рынке труда. Несмотря на это, существуют сильные связи между академией и прикладными исследованиями. Некоторые профессора и исследователи поддерживают исследовательские центры, становясь членами их научных советов. С другой стороны, социологи, работающие в исследовательских фирмах, могут одновременно преподавать в университетах.

Наконец, социологи – не единственные специалисты, которые преподают и проводят социологические исследования как в рамках академии, так и за ее пределами. Мы должны принимать во внимание всех профессионалов, которые на каком-то этапе своей карьеры изучали социологию, и таким образом могут использовать социологические навыки в своих профессиях. К сожалению, у нас отсутствуют данные, необходимые для обсуждения этой проблемы на национальном уровне. ■

Адрес для корреспонденции:
Frédéric Neyrat <frederic.neyrat@gmail.com>

> Почему у французских социологов нет «Этического кодекса»?

Ромен Пюдаль, CNRS (CURAPP-ESS), Амьен, Франция

В отличие от социологических обществ других стран, Французская социологическая ассоциация решила не принимать профессиональный кодекс социолога на своем съезде в 2011 году. Это решение было принято после дебатов, продолжавшихся несколько лет подряд, в рамках которых Ассоциация создала рабочие группы и анализировала существующие кодексы других стран, например, Северной Америки, чтобы подготовить проекты, впоследствии вызвавшие острую дискуссию.

Вопрос о том, следует ли французской социологии принять «деонтологический кодекс» или «протокол защиты исследуемых» впервые был поднят группой социологов, работавших на частные фирмы, государственные учреждения и другие организации, находящиеся вне академии, где функционируют профессиональные кодексы. Черновики этического кодекса социолога были основаны на кодексах, созданных другими социологическими ассоциациями, консультантами, специалистами сферы здравоохранения и учеными-экспериментаторами, стремящимися к тому, чтобы информировать и защитить тех людей, которых они исследуют.

Дебаты по этой теме были горячими с самого начала – в том числе когда в 2009 года Майкл Буравой выступил с речью на Третьем конгрессе Французской социологической ассоциации в Париже, представив свой проект «Цвет класса в медных шахтах: от африканского прогресса к замбинизации» (*The Colour of Class on the Copper Mines: From African Advancement to Zambianization* (Manchester University Press, 1972)). Он пояснил, что его исследования о расовой дискриминации в Замбии не смогли бы стать реальностью, если бы он был совершенно откровенен о своих целях с социальными акторами, о которых шла речь. Эта речь усилила позиции тех, кто выступал против введения профессионального кодекса для регулирования социологической профессии.

Два года спустя окончательная версия проекта Кодекса предстала перед глазами публики и стала объектом дискуссии на 4-м Конгрессе Французской социологической ассоциации в Гренобле (<http://www.afs-socio.fr/sites/default/files/congres09/FormCharte.html>). Проект состоял из двух частей. Первая часть была массово поддержана. В ней акцент был сделан на профессиональных практиках, в том числе на правах и обязанностях докторантов и их научных руководителей, осуждение плагиата, осведомленность об эксплуатации, углубленной прекарности, домогательствах и других формах несправедливости, которые возникают как в сфере преподавания, так и в исследованиях. Несмотря на это, была озвучена и объемная критика относительно низкой эффективности Кодекса в плане урегулирования конфликтов. Нужно ли создать некую форму дисциплинарной комиссии для социологов? Кто должен войти в нее и как обеспечить легитимность этой структуры? На что бы это было похоже? Какие инструменты она может использовать, чтобы дисциплинировать и, быть может, наказывать? Как должна поступить Ассоциация с коллегой, которому вынесли обвинительный приговор? Эти вопросы подчеркнули, как трудно прийти к согласию по поводу принципов, которые могли бы регулировать социологическую профессию, а также по поводу потенциальных дисциплинарных действий. Более того, даже если бы профессиональный кодекс был принят, его исполнение все равно не было обеспечено законодательными механизмами правоприменения.

Вторая часть проекта, подверглась еще большей критике. Следующий абзац вызвал особый резонанс:

«Социологи несут ответственность за то, чтобы четко объяснить свое исследование индивидам, которые будут в нем участвовать. Для того, чтобы они в полной мере понимали, почему их просят принять участие в определенном проекте, информантов необходимо оповестить о следующем: исследовательская тема,

“Свобода социологических исследований вновь получила поддержку”

цель исследования, кто несет ответственность за исследовательский проект, кто проводит исследование, кто спонсирует его, каким образом результаты будут использованы и распространены. Социологи не могут использовать специальное оборудование для фиксации данных (диктофоны, фотоаппараты и т.д.) без согласия участников исследования. Когда они планируют записать на аудио или видео определенную ситуацию, они обязаны уведомить участников и объяснить, зачем это делается».

Те, кто поддержал эти правила, черпали вдохновение из таких дисциплин как медицина, биология или психология. Они призывали к большей прозрачности в социологических исследованиях и к защите людей, ставших объектами исследования, особенно в плане обеспечения корректного использования информации и других данных, собранных социологами. Какими бы похвальными ни казались эти принципы, они вскоре вызвали острые дебаты, которые изложены в книге Sylvain Laurens and Frédéric Neyrat, *Enquêteur : de quel droit ? Menaces sur l'enquête en sciences sociales* (Éditions du Croquant, 2010).

Противники идеи профессионального кодекса встали на защиту «скрытых исследований»: исследований, в рамках которых исследуемые не знают – совсем или частично – какова цель исследования или статус исследователя как социолога. Некоторые из наиболее известных случаев являются классическими в социологии. Работа Майкла Буравого, упоминавшаяся выше, представляет собой один из примеров, как и заводское исследование Дональда Роя, работы Пола Уиллиса «Учась работать: как дети рабочего класса получают свою работу» (*Learning to Labor: How Working Class Kids Get Working Class Jobs* (Columbia University Press, 1977)). Многие утверждали, что такие исследования должны продолжаться без ограничений, которые неизбежно ввел бы профессиональный кодекс, особенно если кодекс применялся бы контрольной комиссией, члены которого не являются

социологами. Вместо этого, свобода социологов должна сохраняться, а оценки деятельности должны исходить исключительно от коллег-социологов, будь это методологическое, теоретическое или этическое измерение. Все эти вопросы были подняты как крайне важные для социологических исследований.

В целом, как только были заданы вопросы, начали проясняться и ответы. Смогли бы мы провести исследование об институциональной дискриминации, коррупции в политике, экономике или журналистике, власти в том виде, в котором она существует в офисе чиновника, среди менеджеров или в закрытых социальных мирах неуловимых элит, если бы нам пришлось следовать правилам, которые вошли бы в разрабатываемый кодекс? Ответ очевиден: нет.

Несмотря на дебаты, вышеупомянутый абзац был оставлен в черновой версии Кодекса, что вызвало недовольство со стороны французских социологов, защищающих идею скрытых исследований. Все согласились, что этические, деонтологические и эпистемологические вопросы должны обсуждаться. Однако принятие этического кодекса может реально помешать проведению исследований, и стала бы непростительной и недопустимой уступкой политико-административным предписаниям, а также привела бы к созданию безвыходного положения для социологов.

Поэтому Кодекс был отклонен. Свобода социологических исследований вновь получила поддержку. Французские социологи напомнили друг другу, что одна из обязанностей на этой работе – раскрывать множественные формы неравенства и господства, действующие в современном мире, при помощи исследований, которые в любом случае перед публикацией пройдут через реер review. ■

Адрес для корреспонденции:
Romain Pudal <romain.pudal@free.fr>

> Где социология?

Глобальные изменения климата и социальные науки

Стюарт Локки, Университет Джеймса Кука, Австралия; экс-председатель ИК 24 (по вопросам окружающей среды и общества) МСА

Нереализованный потенциал социологии в проблеме окружающей среды.
Иллюстрация Арбу.

Социологи часто жалуются, что их потенциальный вклад в изучение окружающей среды и управления ею игнорируется, что в плане участия в ключевых процессах оценки и разработки политических мер присутствует очевидный перекося в пользу естественных наук, а также что, когда с нами советуются, это делается исключительно с целью получения ответа на вопросы о «социальных эффектах» и разнообразных «барьерах». Еще больше нам оттого, что мы наблюдаем, как исследователи, не имеющие отношения к социальным наукам, вроде биологов или инженеров, популяризируют представления о социальных изменениях экологических изменений, заимствуя их напрямую из системной экологии и кибернетики.

Как мы можем объяснить это очевидное пренебрежение социологической экспертизой? Дисциплинарная предвзятость, несомненно, объясняет это в некоторой степени, но неудобные вопросы, задаваемые социологами о власти, неравенстве и демократии, мне кажется, объясняют еще больше. В какой степени причина такого положения вещей – в нас самих? В том знании, которое мы производим? В аудитории, которую мы пытаемся привлечь?

По информации Международного совета социальных наук (International Social Sciences Council (ISSC)), ответ на эти вопросы следующий: «Во многом причина в самих социологах». Каждые три года Совет выпускает собственный отчет о критических выводах и трендах в социальных науках. Всемирный отчет о социальных науках 2013 года «Изменяющаяся глобальная среда» описывает вовлеченность разнообразных дисциплин из сферы социальных наук в экологические изменения в мире, и артикулирует повестку по повышению вклада социальных наук в поиск ответов на вызовы, бросааемые климатическими изменениями.¹

Отчет включает в себе статьи, написанные как дисциплинарными (МСА), так и междисциплинарными (международная программа «Человеческое измерение экологических изменений, International Human Dimensions of Environmental Change Program) учреждениями и группами, занимающимися исследованиями в области социальных наук. Создается поверхностное впечатление о том, что масштаб деятельности, представленной в отчете, является впечатляющим. Но в то же время, несмотря на то, что последствия климатических изменений очевидны во множестве политических и экономических кризисных ситуаций во всем мире, им не удалось захватить внимание мейнстримной науки.

Библиометрический анализ применяется в отчете для того, чтобы доказать, что социологи значатся «пропавшими без вести» в исследованиях климатических и экологических изменений. Поиск статей, в которых упоминаются словосочетания «климатические изменения», «климатическая политика», «изменения окружающей среды», «устойчивое развитие», «биологическое разнообразие» и так далее в базе данных Thompson Reuters Web of Science™ указывает на то, что хотя все растущее число статей упоминает глобальные климатические изменения, они все еще составляют лишь малую

толику общего объема социологических исследований.

Я считаю, однако, что библиометрический анализ систематически недооценивает степень того, насколько неравнодушно социологи – как исследователи, преподаватели и, что немаловажно, как граждане – относятся к вопросам экологии и устойчивого развития. Беглый взгляд на соответствующие ИК и группы МСА выявляет яркие сообщества ученых, вносящих вклад в разнообразные проекты, дебаты, процессы принятия политических решений, а также оказывающие влияние на локальные сообщества и социальные движения. Социологи регулярно оказывают содействие выпуску таких мультидисциплинарных журналов как «Глобальные климатические изменения и локальная окружающая среда» (Global Environmental Change and Local Environment). Далее, многим экспериментальным мультидисциплинарным и активистским исследованиям, в особенности на Глобальном Юге, никогда не удается пробиться сквозь фильтры ревью – а также преодолеть препятствия на пути попадания в Web of Science™. Это проблемы, которые ИК МСА по вопросам окружающей среды и общества хочет решить при помощи выпуска собственного журнала «Социология окружающей среды» (Environmental Sociology) (с начала 2015 года).

Несмотря на это, Отчет содержит потенциально полезные рекомендации, направленные на расширение влияния социальных наук.² Вот несколько «краеугольных камней трансформации» – то есть ключевых научных вопросов, на которые необходимо найти ответ, чтобы подтолкнуть этический и равноправный переход к устойчивому развитию:

1. Историческая и контекстуальная сложность: каким образом современные процессы глобальных экологических изменений запускаются политэкономическими процессами? Каким образом они пересе-

каются с такими феноменами, как миграции и конфликты? Как опыт переживания экологических изменений варьируется в зависимости от класса, гендера, локальности, этничности, конфессии и т.д.?

2. Последствия: каким образом глобальные и экологические изменения оказывают влияние на людей и сообщества? Каким образом распределены эти последствия? Как люди адаптируются к разнообразным последствиям?

3. Условия и пути изменения: что является двигателем индивидуальных и коллективных изменений? Каковы взаимоотношения социальных изменений, политических интервенций и демократических процессов? Какой вклад могут внести социальные науки для построения консенсуса о необходимых изменениях?

4. Интерпретация и субъективное осмысление: каким образом люди осознают экологические изменения и какие существуют перспективы улучшения социального обучения? Каковы концептуальные основания и теоретические пробелы, объясняющие человеческое поведение и выбор? Помимо этого, чем можно объяснить равнодушие, скептицизм и сопротивление изменениям?

5. Ответственность: кто должен нести ответственность за последствия экологических изменений? Как можно помочь незащищенным сообществам найти ответы на вызовы, бросааемые экологическими изменениями?

6. Управление и принятие решений: как принимаются решения в условиях неопределенности и недостатка информации? Как может разный фрейминг процессов, происходящих в окружающей среде, влиять на принятие политических решений и достижение политического консенсуса. Какая институциональная организация способствует налаживанию диалога между политиками, учеными и другими?

Цель наших усилий заключается не в том, чтобы разработать скромную прикладную повестку для политически релевантной социальной науки, но чтобы сделать социальные науки «смелее, лучше, влиятельней». Мы представляем себе конечный результат следующим образом: социальные науки должны провести рефрейминг климатических изменений как социального процесса; начать оказывать влияние на политическую повестку и принимать участие в решении реальных проблем; вовлечь социальных ученых в решение проблем, связанных с глобальными климатическими изменениями, а также обеспечить рефлексивность социальной науки.³

Это не видение, которому не хватает теоретической рефлексии и инновации, но видение, в котором концептуальная работа отвечает на вопросы, задаваемые трансформацией и через интеракцию с другими дисциплинами и заинтересованными лицами. Многие социологи и коллеги из смежных дисциплин занимаются именно этим – как показывает пример «Изменяющейся глобальной среды» (*Changing Global Environment*), а также другие примеры.⁴ Карен О Брайен, например, выступает за развитие более глубоких точек зрения на климатические изменения, интегрирующих Земные системы с более утонченным пониманием человеческой деятельности (*human agency*) как рефлексивной и нелинейной.⁵ Джон Урри анализирует возможности, воплощенные в рефлексивном потребительском поведении для стимулирования инноваций и снижения темпов или остановки использования ресурсов и материалов.⁶ С другой стороны, Альберто Мартинелли предлагает модель глобального управления, в которой демократические государства, супранациональные организации, ответственные корпорации, НКО и общественные движения

проводят работу с научными и исследовательскими сообществами для обеспечения демократического, теоретически и эмпирически обоснованного принятия решений.⁷ Несколько авторов рассматривают динамику коллективного обучения по отношению к экологической и социальной справедливости.⁸

Эти примеры представляют собой яркий контраст тому, что я называю «самореферентной социологией», то есть теоретической работе без осмысленных внешних точек привязки помимо аналогичных работ из области социальной теории. Заумный язык и усложненные абстракции часто скрывают примитивные и необоснованные эмпирические предположения. Чтобы выйти за пределы самореферентной социологии нам необходимо – коллективно, если не каждый раз самостоятельно – «запачкать руки». От нас требуется сотрудничество с окружающими, совместное производство знания и участие в позитивных социальных изменениях. Это не просто этический вопрос, это вопрос валидности. Мультидисциплинарность, интеграция и сотрудничество являются эпистемически необходимыми, если социологические исследования стремятся к тому, чтобы стать двигателем социальных и экологических трансформаций.

Дорога к значимому многомерному участию в социальных и экологических изменениях или в связанных с ними исследовательских программах не всегда очевидна и накатана. Некоторые тропы чреваты профессиональными и личными рисками. Другие недоступны. «Изменяющаяся глобальная среда» выделяет некоторые из потенциальных путей. Такой путь предлагает, например, программа «Будущее земли» (*Future Earth*), рассчитанная на десять лет, разработанная Международным советом по науке

ЮНЕСКО, группой Бельмонт и др. Я очень советую всем, кто интересуется изучением мировых климатических изменений, подписаться на рассылку *Future Earth*, комментировать предложения, а также начать принимать участие в совместных проектах. Как утверждается в отчете «Изменяющаяся глобальная среда», осознание потенциала совместных проектов заставляет социальных исследователей задавать конструктивные и глубокие вопросы о власти, неравенстве, демократии. Возможно, я не согласен с тем, что социологи пропали с карты глобальных исследований экологических изменений, но я вынужден согласиться с тем, что мы, несомненно, нуждаемся в развитии новых социологических подходов, которые ярче, сильнее, лучше, а быть может и коренным образом отличаются от прежних. ■

Адрес для корреспонденции:
Stewart Lockie <stewart.lockie@jcu.edu.au>

¹ ISSC and UNESCO (2013) *World Social Science Report 2013: Changing Global Environments*. OECD Publishing and UNESCO Publishing, Paris. Available at http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/world-social-science-report-2013_9789264203419-en

² Эти положения впервые рассматривались в книге: Hackmann, H. and St. Clair, A. (2012) *Transformative Cornerstones of Social Science Research for Global Change*. International Social Science Council, Paris. Available at http://www.igfagr.org/images/pdf/issc_transformative_cornerstones_report.pdf

³ См. Moser, Hackmann and Caillods, Chapter 2, "Global environmental change changes everything: Key messages and recommendations."

⁴ См., например, Lockie, S., Sonnenfeld, D. and Fisher, D. (eds) (2014) *The Routledge International Handbook of Social and Environmental Change*. Routledge, London.

⁵ Гл. 4, "What's the problem? Putting global environmental change into perspective."

⁶ Гл. 53, "Are increasing greenhouse gas emissions inevitable?"

⁷ Гл. 83, "Global governance and sustainable development."

⁸ Hanp., J. David Täbara (гл.11, "A new vision of open knowledge systems for sustainability: Opportunities for social scientists"), Witchuda Srang-iam (Ch.76, "Social learning and climate change adaptation in Thailand), and Godwin Odok (Ch.79, "The need for indigenous knowledge in adaptation to climate change in Nigeria").

⁹ <http://www.futureearth.info/> и <http://www.icsu.org/future-earth/>

> Медь, вода и земля: добыча меди в Пьедра-Альта, Перу

Сандра Портокарреро, Национальный университет Сан-Маркос, Лима, Перу

Коренное население Перу вышло на демонстрацию: «Нет добыче, хватит воровства, хватит загрязнения».

За последние годы экономика Перу значительно продвинулась вперед. Уровень ВВП стабильно и динамично растет, инфляция и госдолг держатся на низком уровне, а обменный курс остается стабильным. По мнению Международного валютного фонда Перу – восходящая звезда, как молодой рынок, отмеченный стремительным ростом и низкой уязвимостью.

Но, в таком случае, почему в стране с такими оптимистическими макроэкономическими индикаторами бедные сельские жители становятся политически активными? В Перу находится второе крупнейшее месторождение меди, добыча которой играет доминирующую роль в экономике страны. Горнодобывающий сектор привлекает большие объемы иностранных инвестиций. Реальный рост ВВП к концу 2014 года достигнет 5,3%, и прогнозируется, что продолжит расти в среднем на 5 процентов в год в период с 2014 по 2017 гг. Однако, как это ни удивительно, основной фактор, который грозит стагнацией – это социальное беспокойство, растущее в ответ на рост числа горнодобывающих проектов. Задержка выполнения проектов может вылиться в снижение делового доверия, что в свою очередь ставит под вопрос инвестиции в горнодобывающий сектор в размере 52,4 миллиарда долларов в течение следующих десяти лет.

Последние полгода я работаю социологом во второй крупнейшей компании в Перу, занимающейся добычей меди. Расположенная в самом засушливом регионе Перу, эта компания, чьи владельцы и управляющие приехали из Мексики, была открыта в Перу в начале 1960х. Я живу в изолированном лагере для горняков, откуда до ближайшего города можно добраться на машине за два часа. В моей двухкомнатной квартире есть горячая вода, кондиционер, кабельное телевидение, беспроводной интернет. Я могу ходить в гольф-клуб, плавать в теплом бассейне, посещать теннисные корты, в моем распоряжении спортзал и рекреационные центры. Горняки, работающие на добыче, не имеют доступа к этим удобствам, зарезервированным для привилегированных административных работников вроде меня.

Я работаю шесть дней в неделю примерно по двенадцать часов в день в индустрии, которую многие считают билетом, по которому Перу сможет выбраться из нищеты. Моя работа позволяет мне посещать территории прямой добычи и косвенного воздействия. Территории прямой добычи – это места, где географически расположены горнодобывающие предприятия. Окружающая среда здесь напрямую страдает от производственной деятельности. Территории косвенного воздействия – это территории, где добыча не производится, но которые, тем не менее, испытывают на себе ее воздействие.

Моя работа позволила мне осознать тот факт, что средства на добычу меди распределяются неравномерно среди заинтересованных лиц и участников процесса. В особо непривилегированном положении находятся местные крестьяне. Один из многих вопросов, которыми я задавалась во время работы в поле: каким образом бедные сообщества – иногда живущие всего в пятидесяти милях от мультимиллионных проектов по добыче ресурсов – отвечают на изменяющиеся условия жизни в Перу? Сообщество, которое я здесь назову Пьедра Альта, в очередной раз демонстрирует, что географическое вытеснение – одно из негативных последствий динамичного экономического роста в Перу. Недостаток воды в засушливом южном регионе Перу заставляет тысячи крестьянских семей занимать территории, на которых есть доступ к воде, необходимой для сельскохозяйственных работ, хотя такая деятельность зачастую является незаконной.

В 2001 году при помощи политических активистов и после нескольких столкновений с полицией группа крестьянских семей, заняла около 10000 акров государственной земли в надежде получить воду с дамбы хвостохранилища, созданного для захоронения отходов производства. Семьи, собравшиеся в Пьедра Альта, приехали с высокогорий и соседних провинций (Арекипа, Куско, Мокегуа и Пуно).

Изначально большинство семей захватили землю исключительно для сельскохозяйственных работ, что предполагало работу на участках три раза в месяц. Поскольку чтобы добраться до Пьедра Альта некоторым семьям требовалось до пяти дней, а рейды полицейских проходили без определенного графика, семьи решили переехать на постоянное местожительство, превратив Пьедра Альту в жилое поселение. В интервью многие жители описали жизнь в этих местах как проявление своих «предпринимательских талантов», потому что они не только пользовались водой, которую собирались сливать в океан, но также инвестировали в инфраструктуру поселка. Вскоре после захвата земли эти семьи организовали и профинансировали строительство шестимильного ирригационного канала, который позволяет передавать воду в объеме 1000 литров в секунду. Министерство здравоохранения Перу признает эту воду безопасной для поливки посевов.

По иронии, дамба хвостохранилища – одно из наиболее негативных последствий горнодобывающей деятельности, но именно эта дамба создала единственную возможность выживания для этих крестьянских семей. Из-за высокой засоленности почвы и воды в течение многих лет урожаи были минимальными, а жители Пьедра Альта освоили выращивание орегана, (занимающего 70% территории), тары (местное бобовое) и оливок.

Такой сельскохозяйственный успех идет рука об руку с утомительным процессом легализации. Учитывая сложные правовые рамки, судебное разбирательство, связанное с официальной экспроприацией земли, заняло около десяти лет. В октябре 2013 года муниципалитет Серро Колорадо, провинции, где расположена Пьедра Альта, признал за ней статус официального сообщества. Это значит, что жители теперь могут осуществлять самоуправление на законных основаниях, выбирать мэра, получать процент от платы за право разработки недр.

Но самые большие трудности, к сожалению, еще впереди. Добывающая компания вскоре расширит свой главный концентрационный завод, который будет использовать намного больше воды. План по защите окружающей среды, представленный государственным властям, подтверждает, что месторождение не собирается производить большие заборы воды из бассейнов рек. Вместо этого будет повторно использоваться вода с дамбы хвостохранилища. Что произойдет в таком случае с крестьянами, которые пользуются этой водой? Хотя Пьедра Альта официально признана сельским поселением, юристы Перу умывают руки, как только дело доходит до водных угодий. В результате большинство конфликтов в сфере горнодобывающей промышленности связано с вопросом водных ресурсов. Более того, распространенная коррупция в региональном правительстве Перу, в том числе в этом регионе, не способствует повышению уверенности крестьян в своих силах: ничто не гарантирует, что у этих людей не отнимут право жить и работать на этой земле в течение следующего десятилетия. ■

Адрес для корреспонденции:
Sandra Portocarrero <svnp86@gmail.com>

> Интернационализация и культура аудита: случай чешской социологии

Мартин Хайек, Карлов университет, Чехия

Иржи Мусил (1928–2012), городской социолог, имеющий международное признание, перед портретом Т. Г. Масарыка, первого президента Чехословакии.

Культура аудита и конкуренции оказывает влияние на университеты и научные учреждения во многих странах, и Чехия не исключение. Последствия для академических карьер, научных дисциплин, а также публикационных стратегий неоднократно подвергались анализу¹. При этом влияние этой культуры на малые академические сообщества не до конца понято. Ситуация такова не только потому что последние занимают относительно маргинальную позицию в социологии как таковой, но также и потому, что последствия аудита не всегда однозначны и прямолинейны. Аудит может оказывать как положительное, так и

негативное воздействие. Одним из положительных последствий может быть то, что он подталкивает ученых к участию в жизни международного сообщества, свободного от локальных ограничений. С другой стороны, эти процессы могут обесценить локальные научные сообщества и локальную социологию в целом. Именно эта неоднозначность приводит к тому, что в академии, в том числе чешской, присутствуют как ярые сторонники, так и непримиримые противники культуры аудита.

В маленьких странах вроде Чехии, где проживают всего 10 млн человек, сторонники строгого аудита и соревновательности обычно заявляют, что только международное сообщество способно беспристрастно судить о том, что представляет собой хорошее социологическое исследование, а что нет. Они утверждают, что локальное научное сообщество, состоящее лишь из ста человек, скорее всего ограничено и зациклено на себе, разделено на воюющие клики и поражено временными коалициями, борющимися за ограниченные ресурсы. Сторонники международных стандартов отвечают, что такие условия усложняют любую форму национальной оценки качества, основанной на реер review, так как вместо поддержки производства качественного знания, они воспроизводят властную структуру локального дисциплинарного поля

Напротив, оппоненты интернационализации и стандартизации критериев оценки подчеркивают важность локального контекста, определяющего развитие поля, утверждая, что

переход к международным издательствам и рецензентам ставит в привилегированное положение глобальные проблемы в ущерб локальным. Они заявляют, что для того, чтобы локальная проблема была признана на международном уровне, ее формулировка как таковая должна быть изменена таким образом, чтобы стать понятной в глобальном плане, что зачастую приводит к изменению значения или даже потере самого феномена, нуждающегося в исследовании. То, что может успешно работать в сфере естественных наук, которые, за малыми исключениями, не обсуждают специфически локальных тем – не может применяться в социальных науках, где локальные проблемы преобладают (или во всяком случае преобладали до последнего момента)

Как часто случается в конфликтах такого рода, обе стороны правы, и оба аспекта – национальный и международный – должны приниматься во внимание при оценке качества исследования. В крупных дисциплинарных сообществах, общающихся на одном из главных языков мира, такая сбалансированная модель достаточно практична, так как локальные и глобальные измерения социологии в достаточной степени переплетены. Но в маленьких сообществах, общающихся на языке меньшинства, пропаганда стандартизированных критериев измерения качества исследований в качестве главного или даже единственного критерия может подорвать использование местного языка как средства общения. Почему? Потому что авторы, стремящиеся к тому, чтобы

Милослав Петрусек (1936–2012), знаменитый чешский социолог, специалист по “локальным” проблемам.

внести вклад в дисциплину не только на международной арене, но и в локальном сообществе (например, в Чехии) вынуждены писать тексты в двух «режимах» - на английском и на чешском языках, соответственно. Чешские тексты читают коллеги, знающие этот язык, поэтому их влияние остается сугубо локальным. В англоязычных текстах, с другой стороны, авторы должны адаптировать свою работу для международной аудитории, из-за чего нередко интерес к тексту со стороны чешского сообщества социологов снижается. Это создает дуальную модель письма, которая может быть названа локально направленной и глобально направленной социологией, соответственно. Хотя эта проблема может показаться лишь вопросом языка или перевода, это не так. У нее есть более глубокое значение, так как она оказывает влияние на выбор исследовательских тем и публикационных стратегий местными учеными.

Я полагаю, некоторые читатели сейчас покачают головой и пробормочут «Ну, ничего нового. Этот двойная тропа – международная и локальная – существовала всегда». Соглашусь. Несмотря на это, до недавнего времени эта проблема касалась лишь части социологического сообщества, а отдельные социологи могли самостоятельно выбрать предпочитаемое направление. Например, Мирослав Петрусек (1936-2012),

известный чешский социолог, был типичным представителем локально направленной социологии. Хотя он был близко знаком с мировой социологией и ее трендами (он мог читать и говорить на нескольких языках), писал он практически только на чешском (лишь изредка на польском или русском). Его академическая деятельность оказала сильное влияние на чешскую академию, а его тексты повлияли на общественные представления о дисциплине, а также на позицию социологии в обществе. С другой стороны, Иржи Музил (1928–2012), приобретший международную известность социолог-урбанист и бывший председатель Европейской социологической ассоциации (1998–2001), скорее оказывал влияние на международное, а не на локальное сообщество².

Но то, что когда-то было вопросом личного выбора, уже не является таковым. Культура аудита и конкуренции знает лишь один вид социологии: глобально направленный. Дебаты локальной направленности автоматически признаются посредственными. Представители локально направленной социологии лишь изредка получают гранты на свои исследования и не получают академических позиций из-за недостаточного международного влияния. Таким образом, для чешских социологов решение написать хороший учебника на родном языке представляется нерациональным. Такой выбор не укрепит их репутацию, а будет воспринят как знак того, что автор покинул международную исследовательскую карьеру. Как следствие, чешские студенты учатся по международным изданиям (например, учебник Гидденса), которые фокусируются на том, как общество функционирует в США или в Великобритании. Эти общества служат в качестве шаблонов для того, как должны пониматься локальные ситуации. Новые социологические термины вводятся в локальное сообщество переводчиками, а не учеными специалистами из этой области. Локальная публика также получает понимание социологии и современного общества из переводов мировых авторов, чьи книги лишь частично (если

вообще) освещают локальные проблемы.

Культура аудита и конкуренции ставит в привилегированное положение глобально направленные исследования в ущерб локально ориентированной социологии. Если научное мастерство определяется как признание со стороны глобального академического сообщества, большинство ученых сфокусируются исключительно на публикациях на английском. Именно этим занимаются амбициозные молодые социальные ученые в Чехии: их лучшие работы публикуются в англоязычных международных изданиях.

Я не пытаюсь сказать, что локально направленная или национальная социология более ценна, чем глобально направленная (или международная). Во многих случаях (не в большинстве ли?) локально направленные исследования и публикации отличаются весьма средним качеством. Несмотря на это, они представляют собой путь, которым лингвистически малое академическое сообщество рефлексивирует по поводу локальной ситуации и производит трансфер идей в пользу студентов и общественности. В контексте давления на ученых в связи с необходимостью публиковаться на глобальном уровне, попытки академической социологии общаться с локальной публикой принижается как примитивное «распространение результатов», деятельность, которую нельзя по праву назвать полноценно научной. Глобально направленная идеология эксплуатирует идею о том, что глобальное общество превосходит локальное, из-за чего локальные события признаются ничем иным как частными случаями глобальных процессов. ■

Адрес для корреспонденции:
Martin Hájek <hajek@fsv.cuni.cz>

¹ См., напр., Holmwood, J. (2010) “Sociology’s misfortune: disciplines, interdisciplinarity and the impact of audit culture.” *The British Journal of Sociology*, 61(4), 639-658.

² Анализируя чешское общество на более абстрактном уровне, можно отметить, что многие известные ученые, политики, художники ориентировались либо локально, либо глобально. Вспоминается известные чешские композиторы, Бедржих Сметана (1824–1884) и Антонин Дворжак (1841–1904). В то время как первый в основном ориентировался на локальный контекст, второй слыл почитателем глобального.

> Прекаритет СОЦИОЛОГИИ

Заметки с Чешских земель

Филип Востал, Карлов университет и Академия наук, Чехия

Социологическое балансирование: ноги связаны, положение ненадежное, двигаемся с трудом.

Слово «прекарный» часто описывает состояние «отсутствия надежности, безопасности, постоянства». Все три момента, которые содержит в себе термин «прекарный», дают меткую характеристику современной социологии. Во-первых, прекаритет социологии отражает более широкие *общественно-технологические тенденции*, которые меняют процесс производства социологических знаний. Во-вторых, социология становится все более прекарной дисциплиной из-за трансформации академической жизни в условиях неолиберальной гегемонии. В-третьих, данный термин может использоваться для описания объекта социологического анализа — нестабильного и необычного социального мира. Все эти аспекты дисциплины обсуждаются на международных дебатах, в то время как локальные, региональные и «провинциальные» трудности часто остаются без внимания. Поэтому в данном эссе обсуждаются некоторые глобальные события в контексте чешской социологии.

Начнем с внутреннего измерения социологии. Несомненно, одна из фундаментальных проблем социологии XXI века будет связана с новыми методами сбора дан-

ных, а также с реакцией социологии на новые компьютерные, цифровые и программные инфраструктуры. Традиционным эмпирическим методам (таким как опрос и интервью) сейчас бросает вызов способность акторов (часто частным образом) быстро объединять, сортировать и анализировать огромные структуры транзакционных данных. Множества данных беспрецедентного охвата и размера (так называемые *большие данные*), цифровые технологии сбора и отслеживания данных в социальных сетях, связанная с этим интенсификация не только представляют собой проблему методологических инструментов, но и могут влиять на формирование социологической теории. Можем ли мы до сих пор считать «социальное» универсальной объяснительной категорией? Должна ли теория вмещать в себя одновременно и цифровое, и биологическое/человеческое? Религиозное и светское? Глобальное и сингулярное/партикулярное измерения социальной жизни? Сейчас социология тщательно рассматривает как относительно стабильные социальные структуры и разделения, так и «исключения», подвижные сферы и видоизменяющиеся сети. Наряду с традиционными категориями класса, гендера, национальности и этничности, социальная теория сегодня охватывает чрезвычайные ситуации, катастрофы, риски, ассамбляжи и аффекты. Традиционно для того, чтобы понять общество, в социологии требуется дистанцирование во времени и пространстве от этого общества. Однако некоторые современные теоретические течения также отражают — а возможно, охватывают и заключают в себе — более широкие, можно даже сказать, эпохальные тенденции социальной жизни XXI века: изменчивость, «беспорядочность», ускорение.

Прекаритет социологии иногда проявляется в виде конфликта между цифровыми форматами и локальными, часто не-цифровыми, социологическими практиками, которые имеют разные темпы и ритмы. Существуют модальности (эмпирические и теоретические), которые сопротивляются цифровым форматам. В качестве при-

>>

мера можно привести локально-региональный характер социологического знания, отличающийся интеллектуальной зависимостью от традиций пути и ситуативностью истории национальных социологий. По мнению Майкла Соуарда, «медленные» теории предполагают «подробное рассмотрение особенностей и культуры и внимание к ним, с акцентами на ситуативных и традиционных ценностях, анализ ряда мнений и суждений», включая в себя «производство ситуативных знаний». Этнографические и антропологические наблюдения, будучи ситуативными и относительно «медленными» (в том смысле, что они занимают время), могут противоречить императиву дигитализации-ускорения. Чешская социология, как и многие локальные социологии, вероятно, продолжит метания между внутренним «своеобразием локальности» и исторически обусловленным развитием, с одной стороны, и внешними интеллектуальными влияниями, связанными с цифровыми форматами и инфраструктурными трендами наднационального характера, с другой стороны

Однако, вероятно, наиболее актуальная сторона прекаритета, с которой сегодня сталкивается социология, является следствием внешних условий, принимающих участие в его воспроизводстве. Рыночная идеология, коммодификация и корпоративная власть наносят вред академической жизни во всем мире. Эти воздействия имеют неприятные, хоть и неравно распределенные, следствия для каждого отдельного ученого: усиление стресса, выгорание, психологический дискомфорт. Наблюдатели во всем мире замечают сдвиги в академическом времени, в его культурном, структурном и эмпирическом измерениях, а также давление на критическую мысль в рамках самой социологии. Англоамериканские контексты остаются важными «лабораториями» исследования влияния неолиберальных изменений на временную структуру научной жизни. Однако постепенный сдвиг в сторону все ускоряющей свою работу административной «фабрики знаний» становится очевидным и в других странах мира (включая Чехию).

Когда я, например, обсуждаю эти вопросы с коллегами из Великобритании, кажется, что их ситуация (как условия труда, так и относительное количество времени и пространства для чтения, письма и исследования) отличается от чешской академической жизни. Надо сказать, что политическое пространство чешской академической жизни засорено печально известной риторикой — повышение качества, рост инноваций, мировой конкурентоспособности, экономики знания. Однако, несмотря на это, наша система все еще довольно далека от той академической реальности, которая описывается в американских и британских университетских романах «Сражайся за длинный день» (*Fight for Your Long Day*) и «Тяжелое падение» (*Crump*). Несмотря на то, что чеш-

ский политический класс усвоил сверхнеолиберальную модель, и на повторяющиеся попытки «укротить» чешских ученых и применить к ним принципы коммодификации и маркетизации, ученые всё сопротивляются безжалостной управленческой и деловой идеологии, структурирующей жизни их коллег в других странах. Австрийский философ Конрад П. Лиссманн жестко раскритиковал нынешние перемены в научной жизни и гуманитарных науках, и сообщество чешских ученых и академических менеджеров поддерживает его идеи. Когда историк Говард Хотсон, ведущий критик британских университетских реформ, выступал перед чешской аудиторией, его речь была безоговорочно одобрена представителями чешских университетов и Академии наук. Дивная новая коммодифицированно-маркетизированная наука может встретить препятствия на своем пути в Центральную Европу (по крайней мере, сейчас).

Конечно, даже при локальном сопротивлении неолиберальные тенденции вокруг университетов мира способны изменить локальные и региональные социологии. Однако неолиберальный нажим совпал с моментом, когда социальный мир XXI достиг новых уровней сложности и фрагментации — в связи с чем требуются новые теории и скрупулезный анализ катаклизмов «глобальной капиталистической современности» в локальном масштабе (и наоборот, т. е. как локальные проблемы становятся глобальными). В нынешних обстоятельствах нам нужна социология, способная описывать, объяснять и что-то делать с этой современностью.

Третий тип прекаритета, может быть, еще пригодится социологии в этой борьбе. Постоянное сомнение в социальной реальности и постановка вопросов к ней остаются необходимыми условиями любого интерпретативного или «позитивного» метода исследования. Кроме того, социолог должен постоянно конструировать социальные феномены, процессы, идеологии, институты и отношения как нечто неестественное, превращать их в объекты разьяснения и критики. Чешский социолог Милослав Петрушек (1936—2012) уделил особое внимание связи между литературой, искусством и социологией, предполагая, что литература может свидетельствовать об обществе. Социология привлекательна своей изначальной междисциплинарностью, сцепленностью с гуманитарными науками и литературой. В то же время социология также является «обычной наукой» со своими парадигмами и институциональным обоснованием. Именно эта двоякая нестабильность характеризует социологию как уникальную дисциплину, освещающую неожиданности и загадки, которыми полон социальный мир. ■

Адрес для корреспонденции:
Filip Vostal <filip.vostal@gmail.com>

> Арабская команда «Глобального диалога»

Мунир Сайдани, Университет Эль Манар, Тунис

В конце февраля 2011 года мне пришло электронное письмо от Сари Ханафи с просьбой о помощи в поиске переводчиков для арабской версии ГД. Я воспринял это как одно из положительных последствий Тунисской революции, которое я почувствовал через несколько недель после свержения Бен Али. Несмотря на это, я сомневался, что мое знание английского языка является достаточным для того, чтобы заняться этим в одиночку. Мои попытки найти переводчиков провалились, поэтому я решил делать это самостоятельно, пользуясь французской версией, которая уже была на сайте МСА. Для следующего номера три месяца спустя я решился перевести прямо с английского на арабский язык. Этим я занимаюсь и по сей день при поддержке Сари. На своей странице в сети Facebook я объявляю о выпуске каждого нового номера, чтобы арабские социологи были в курсе существования ГД на арабском языке. Мой английский становится все лучше, а переводческая работа утоляет мою жажду социологического знания, так как предоставляет доступ к большому числу текстов и ссылок со всего мира. Перевод текстов авторов из самых разных стран, получение информации о новых теоретических подходах в социологических исследованиях очень полезны. Я многое узнаю, пока занимаюсь переводом для очередного номера. Конференция Национальных социологических ассоциаций в Анкаре в 2013 году послужила прекрасной возможностью для встречи с переводчиками из других стран. То, что я принимаю участие в этом проекте, является для меня источником гордости. Мне становится легче писать тексты на английском, и этим я тоже обязан работе в журнале. ■

Всю корреспонденцию присылайте по адресам
Mounir Saidani <mounisai@yahoo.fr>
Sari Hanafi <sh41@aub.edu.lb>

Мунир Сайдани С 2012 года Мунир работает адъюнкт-профессором социологии на социологическом факультете Высшего института гуманитарных наук в Университете Эль Манар в Тунисе. С 2000 по 2012 год он преподавал социологию в Университете Сфакса в Тунисе. До этого он 18 лет работал учителем французского языка в школе. Его исследовательские интересы и публикации касаются социологии культуры, искусства и знания с точки зрения социальных изменений. Он опубликовал семь книг по этим темам на арабском языке. Он является членом мультидисциплинарной Лаборатории Высшего института гуманитарных наук и изучает Просвещение, современность и культурное разнообразие.

Сари Ханафи – профессор социологии в Американском университете Бейрута и редактор журнала Идафат: арабский журнал социологии. На Всемирной конгрессе МСА 2014 года он был избран вице-президентом МСА по национальным ассоциациям. Он также является членом Арабского совета социальных наук. Он автор множества журнальных статей и глав в книгах о палестинской диаспоре и беженцах, социологии миграции, политике научных исследований, гражданского общества, формировании элит и правосудии переходного периода. Среди его недавних работ следующие: «БАПОР и палестинские беженцы: от помощи до гуманитарного развития» [UNRWA and Palestinian Refugees: From Relief and Works to Human Development] (ред. Таккенберг и Хилал, 2014); «Сила инклюзивного исключения: анатомия израильского правления на оккупированных палестинских территориях» [The Power of Inclusive Exclusion: Anatomy of Israeli Rule in The Occupied Palestinian Territories] (ред. Опхир и Дживони, 2009, на английском и арабском). Скоро будет выпущена его книга «Арабское исследовательское общество: невозможное обещание» [Arab Research and Knowledge Society: The Impossible Promise] (с Ригасом Арванитисом).